

Страница изъ жизни Московскаго университета.

Изъ записокъ профессора Н. П. Боголѣпова.

14 Декабря 1894 г. Мнѣ бы хотѣлось записать ноябрьскія и декабрьскія событія въ нашей университетской жизни. Но пока нѣтъ времени. Въ немногихъ словахъ произошло слѣдующее.

Въ концѣ ноября студенты освистали В. О. Ключевского, въ то время, когда онъ читалъ лекцію. Всѣ знали, что это было наказаніе (чье?) за то, что онъ хвалилъ покойнаго Государя¹⁾ въ своей рѣчи, сказанной въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, и что онъ, будто бы, лицемѣрилъ, такъ какъ раньше держался совершенно другихъ взглядовъ на власть. Нѣкоторыхъ свистуновъ судили въ правленіи и трехъ изъ нихъ исключили изъ университета. Это вызвало сходку на слѣдующій день (въ химической лабораторіи). По обыкновенію сходка не послушалась увѣщаній университетскихъ властей, и была призвана полиція, которая переписала не успѣвшихъ разбѣжаться и отпустила ихъ. Небольшая часть записанныхъ была судима въ правленіи и присуждена къ легкимъ наказаніямъ.

Между тѣмъ полицейская власть распорядилась высылкой 48 человекъ студентовъ, большею частью старшихъ курсовъ, по ея словамъ—главныхъ вожаковъ въ землячествахъ,—кажется, тѣхъ, которые являлись членами Союзнаго Совѣта²⁾). Послѣ этого часть профессоровъ

¹⁾ Императора Александра III.

²⁾ Союзъ соединенныхъ землячествъ, образовавшійся изъ отдѣльныхъ земляческихъ кружковъ, создалъ Союзный Совѣтъ и при немъ Судебную Комиссію. Первоначальной задачей Союзнаго Совѣта было устроить студенческія столовыя, бібліотеки и кружки саморазвитія. Мало-по-малу онъ расширилъ кругъ своей дѣятельности—издавалъ прокламаціи съ явно-революционными программами и собиралъ деньги въ пользу политическихъ преступниковъ. Что касается Судебной Комиссіи, то она сперва вѣдала только предосудительныя дѣла товарищей-студентовъ, но спустя нѣсколько времени присвоила себѣ право суда и надъ профессорами.

стала собираться, чтобы обсудить нѣкоторые вопросы. Первый разъ собрались 10 декабря (въ субботу) у Остроумова (А. А.), подъ предсѣдательствомъ В. И. Г. . . , принесшаго уже готовые положенія, которыя должны были послужить основаніемъ петиціи къ Великому Князю*), генераль-губернатору. Какъ передавалъ графъ Камаровскій, со словъ проф. Ю. С. Гамбарова, а потомъ—Митропольскаго (Н. А.), положенія были слѣдующія: 1) просить возвращенія высланныхъ студентовъ, 2) просить, чтобы студентовъ, не арестовывали иначе какъ при депутаціи университета, такъ какъ полиція дѣйствуетъ слишкомъ произвольно, 3) просить, чтобы измѣнено было устройство университетскаго суда, такъ какъ теперешній судъ находится въ рукахъ администраціи. Нѣкоторые изъ профессоровъ робко возражали, что не слѣдовало бы затрогивать университетскаго суда, но большинствомъ всѣхъ противъ одного профессора П. М. Черинова рѣшили о судѣ говорить.

Профессоръ А. Я. Кожевниковъ выразилъ сомнѣніе, могутъ ли профессора касаться дѣйствій полиціи, такъ какъ не одни студенты, но и всѣ подчинены ей одинаково. . . . .
Для выслушанія окончательно выработанной редакціи рѣшено собраться во вторникъ (13 дек.).

Въ этотъ день (13 дек.) я по другому дѣлу зашелъ къ Черинову и засталъ тамъ Митропольскаго, который еще наканунѣ былъ у меня и выразилъ подозрѣніе, не ведется ли все это дѣло, чтобы косвенно выразить порицаніе В. О. Ключевскому. Здѣсь вдвоемъ они обсуждали эти событія. Я поддержалъ ихъ, въ увѣренности, что нельзя соглашаться на пунктъ, осуждавшій университетскій судъ. При этомъ я рассказалъ кое-что о томъ, какъ землячества и ихъ Союзный Совѣтъ образовали изъ себя подпольное правительство, начавшее давать свои предписанія и профессорамъ (напр. запрещеніе проф. Владимирову читать лекціи). Оба согласились на засѣданіи во вторникъ рѣшительно выяснить прочимъ профессорамъ, что пунктъ объ университетскомъ судѣ будетъ заключать въ себѣ косвенное осужденіе теперешнему составу правленія и Ключевскому.

Сегодня вечеромъ М. П. Чериновъ пріѣхалъ ко мнѣ и рассказалъ слѣдующее: вчера вечеромъ къ Остроумову прибыли частью тѣ же профессора, которые и ранѣе собирались у него по дѣлу обсужденія

*) Сергій Александровичъ, Московскій генераль-губернаторъ

петиціи, частью иные, но въ общемъ количество ихъ было одинаково въ оба раза—человѣкъ 30. В. И. Г . . . , по словамъ Черинова, прочиталъ черновикъ петиціи, написанный очень растянуто. Въ петиціи былъ и пунктъ о судѣ. Проф. А. И. Булыгинскій очень основательно возражалъ противъ такого пункта, указывая на то, что студенты и безъ того не уважаютъ авторитета университетскаго суда, а послѣ такого заявленія профессоровъ и подавно не станутъ уважать его: „Всему свое время; если нужно измѣнять устройство суда, то объ этомъ надо говорить въ другое, болѣе спокойное время“. То же приблизительно высказывали проф. А. А. Бобровъ и еще кто-то. Тогда проф. И. М. Съченевъ предложилъ прибавить въ началѣ этого пункта слова: „не осуждая дѣйствій теперешняго состава правленія“. Чупровъ (А. И.) предложилъ тоже что-то въ этомъ родѣ. Чериновъ всталъ и рѣшительно возражалъ противъ всего пункта. Тогда Г . . . , съ ядовитой улыбкой, предложилъ, будто согласно заявленію Черинова, ходатайствовать, чтобы вернули всѣхъ студентовъ, кромѣ тѣхъ трехъ, которыхъ осудило правленіе. Чериновъ взбѣсился и громкимъ голосомъ крикнулъ: „Вы не смѣете исказить мои слова!“ Г . . . сконфузился и замѣтилъ: „Зачѣмъ же такой тонъ!“ Встаетъ Н. Я. Гротъ. „Мы все толкуемъ о деталяхъ: будетъ проще—прямо подписать составленное заявленіе“. Чериновъ уѣхалъ, не дождавшись конца. Сегодня къ нему пріѣхалъ Митропольскій и рассказалъ, что затѣмъ рѣшено было прибавить къ пункту о судѣ такое замѣчаніе: „не считая себя въ правѣ судить о бывшемъ судѣ надъ студентами и т. д.,—слѣдуетъ все-таки требовать перемѣны устройства суда“. Такъ какъ переписывать было некогда, то предложили подписываться на чистомъ листѣ, и всѣ—подписались, не исключая и Булыгинскаго, Боброва, Митропольскаго и другихъ, говорившихъ противъ пункта о судѣ. Когда Митропольскій возразилъ Остроумову, что на чистомъ листѣ опасно подписываться, что къ нему можно придѣлать какой угодно текстъ, Остроумовъ насмѣшливо замѣтилъ: „Это предлогъ не подписываться“,—и Митропольскій подмахнулъ. Чериновъ говоритъ, со словъ Митропольскаго, что къ подпискѣ толкали нравственно*). Нужно прибавить, что въ обоихъ засѣданіяхъ присутствовалъ Милюковъ (П. Н.), который, не будучи профессоромъ, не долженъ былъ принимать участія въ этихъ профессорскихъ засѣданіяхъ. Одинъ изъ профессоровъ сказалъ на ухо Черинову: „Милюковъ послѣ нашихъ совѣщаній отправляется на засѣданія Союзнаго Совѣта землячествъ и тамъ передаетъ обо всемъ случившемся. Онъ служитъ посредникомъ между Г . . . и землячествами“.

*) См. I приложение.

Сегодня вечеромъ заѣхалъ ко мнѣ А. С. Алексѣевъ. Онъ передалъ мнѣ слѣдующее: Гамбаровъ, не скрываясь, говорилъ профессору Тарасову (И. Т.) и студенту Живаго (С. И.), что попечитель округа (графъ П. А. Капнистъ) поручилъ Г . . . . войти въ сношенія съ землячествами и обѣщать имъ его содѣйствіе къ возвращенію высланныхъ студентовъ, если они будутъ сидѣть тихо.

Если это вѣрно, не удивительно, что Г . . . . и его сподвижники—П. Г. Виноградовъ и Эрисманъ (Θ. Θ.) дѣйствуютъ такъ открыто и такъ нагло. Эрисманъ, между прочимъ, сказалъ Черинову: „Да, мы хотимъ выразить порицаніе дѣйствіямъ правленія“.

Бѣдный ректоръ и его помощники! Какое счастье, что я во время ушелъ изъ ректоровъ. Какъ тонко моя милая Катя¹⁾ понимала Капниста, когда еще два года тому назадъ уговаривала меня бросить ректорство, потому что подозрѣвала, что Капнистъ предастъ меня.

15 декабря. Сегодня Н. А. Звѣревъ разсказалъ мнѣ, какъ вчера досталось Духовскому (М. В.). Этотъ п . . . . .²⁾ пріѣхалъ вчера къ нему, чтобы прочитать свой отзывъ о книгѣ Таганцева и въ то же время пригласить Звѣрева подписаться подъ ихъ петиціей. Чтобы отдѣлаться отъ него поскорѣй, Звѣревъ предложилъ ему вмѣстѣ поѣхать къ Колоколову (Г. Е.). Тамъ они застали Алексѣева и Даневскаго (В. П.). Алексѣевъ напалъ на Духовскаго и, по словамъ Звѣрева, очень вѣскими аргументами доказалъ ему, какъ они дурно поступаютъ своей петиціей. Даневскій наговорилъ ему много рѣзкихъ вещей и назвалъ его „толпой“. Къ нимъ затѣмъ присоединились Колоколовъ и Звѣревъ, такъ что Духовскому приходилось жарко. Онъ вертѣлся во всѣ стороны. Всѣ его аргументы сводились къ тому, что онъ подробностей никакихъ не знаетъ, но что вообще очень сочувствуетъ студентамъ и находитъ нужнымъ какънибудь выразить имъ это сочувствіе.

Сегодня Алексѣевъ заходилъ къ Г . . . . , чтобы попросить самую петицію для прочтенія. Г . . . . отказался подъ предлогомъ, что не имѣетъ ея. На упреки Алексѣева, что все дѣло велось потихоньку отъ многихъ профессоровъ, Г . . . . отвѣчалъ, что приглашали всѣхъ, кого

---

¹⁾ Жена Н. П. Богольцова, Екатерина Александровна, рожденная свѣтлѣйшая княжна Ливень.

²⁾ Весьма пелестный эпитетъ.

могли, что если кого-нибудь не пригласили, то это вышло случайно. Алексѣевъ выразилъ удивленіе, что случайное приглашеніе пало на людей одного только благопріятнаго имъ направленія. что не были приглашены многіе истинно—университетскіе дѣятели. Г . . . . сказалъ, что началось это дѣло среди дюжины профессоровъ естественниковъ и медиковъ, изъ филологовъ среди нихъ былъ только одинъ и къ тому же не профессоръ. Алексѣевъ ему замѣтилъ: „И не трудно угадать—кто“.—„Кто же?“—„Милюковъ“.— „Д-д-да, это онъ“, нехотя отвѣтилъ Г . . . .

Отъ Г . . . . Алексѣевъ прошелъ къ Павлову, Алекс. Степановичу; тотъ не подписалъ петиціи. Нужно, впрочемъ, сказать, что Павловъ отнесся къ ней враждебно потому, что страшно взбѣсился на Духовскаго за то, что тотъ прислалъ ему приглашеніе подписаться подъ петиціей съ разсылнымъ. Павловъ долженъ былъ расписываться въ полученіи. Это ему показалось въ высшей степени оскорбительно. Почему? Это очень характерно для вздорности профессорскихъ нравовъ.

Некрасовъ (П. А.) и Звѣревъ узнали о слухѣ, что вся исторія съ петиціей затѣяна самимъ Капнистомъ. Этотъ слухъ въ ихъ глазахъ подтверждается ихъ разговоромъ съ попечителемъ, который вчера самъ рассказывалъ имъ, будто Г . . . . только во вторникъ сообщилъ ему о петиціи, послѣ чего графъ совершенно случайно зашелъ къ Виноградову, который также говорилъ ему о петиціи; онъ же имъ обоимъ отвѣтилъ, что не одобряетъ ихъ затѣи. Затѣмъ, въ ихъ глазахъ подозрѣніе подтверждается и тѣмъ, что въ послѣднемъ собраніи профессоровъ у Остроумова присутствовали всѣ близкіе Капнисту профессора: Г . . . . ., Виноградовъ, Ш . . . . ., К . . . . . Эрисманъ.

Мы съ Алексѣевымъ предложили устроить контръ-петицію. Но ректоръ и Звѣревъ находятъ, что въ настоящее время это ни къ чему не поведетъ,—во всякомъ случаѣ не исправитъ того факта, что значительное число профессоровъ высказалось противъ правленія, а попечитель, по меньшей мѣрѣ, отнесся къ этому пассивно. Они думаютъ, что имъ оставаться нельзя и надо подавать въ отставку, какъ скоро петиція будетъ подана. Вопросъ: найдутъ ли нужнымъ сдѣлать то же самое и деканы?

Г . . . . . прислалъ мнѣ записочку, въ которой сообщаетъ, что если я хочу, то могу прочесть и подписать просьбу о возвращеніи

высланныхъ студентовъ. При этомъ ничего не упоминаетъ о пунктѣ, касающемся университетскаго суда.

16 декабря. Алексѣевъ былъ вчера у Остроумова, прочелъ петицію. Въ ней говорится приблизительно слѣдующее: „Не считая себя въ правѣ произносить сужденіе о состоявшемся приговорѣ надъ студентами, мы не можемъ не указать на неудовлетворительное устройство университетскаго суда. Въ немъ участвуютъ лица, завѣдующія администраціей и нерѣдко сталкивающіяся со студентами, которыхъ вслѣдъ за тѣмъ должны судить. Они не могутъ быть неизмѣнно безпристрастными, и студенты не могутъ относиться къ такому суду съ довѣріемъ“.—Остроумовъ, подобно Г . . . . , сталъ увѣрять, что приглашали всѣхъ; если кто не получилъ приглашенія, то случайно, что юристовъ долженъ былъ пригласить Гамбаровъ. Какъ нарочно, Гамбаровъ въ это время вошелъ къ Остроумову. Онъ сначала сказалъ, что еще 6 декабря, на именинахъ Звѣрева, говорилъ о собраніи. Но Алексѣевъ напомнилъ ему, что наканунѣ самой сходки у насъ было факультетское засѣданіе, гдѣ онъ могъ бы пригласить всѣхъ, а между тѣмъ онъ пригласилъ только одного Камаровскаго, отведя его въ сторону. Тогда Гамбаровъ сказалъ: „Ну, да я вѣдь не умѣю долго играть роль дипломата. Дѣйствительно, мы рѣшили пригласить только единомышленныхъ, потому что надо было дѣйствовать быстро, не задерживаясь преніями“.

Къ моему удивленію, къ Остроумову при Алексѣевѣ пріѣхалъ Ключевскій и подписалъ тоже.

Рѣшено съ петиціей послать депутацію изъ Г . . . . , Тимирязева (К. А.), Эрисмана и Чупрова. Вѣроятно, это было вчера или третьяго дня. Вчера же Чупровъ заболѣлъ и писалъ Камаровскому: „Умственно и душевно я здоровъ, но докторъ запретилъ двигаться“. Такъ удачно у него всегда случается, что, когда надо взять на себя отвѣтственность за свои прошлыя дѣйствія, ему нужно бываетъ ѣхать въ Петербургъ, или онъ заболѣваетъ.

Судя по бѣглымъ разговорамъ, Звѣревъ и Некрасовъ думаютъ, что деканы, по крайней мѣрѣ—Легонинъ (В. А.) и Бугаевъ (Н. В.), не намѣрены выходить въ отставку. Можетъ быть, они еще не знаютъ всѣхъ послѣднихъ событій?

Любопытныя статистическія свѣдѣнія собралъ Некрасовъ. Изъ 48 студентовъ, высланныхъ полиціей и бывшихъ, повидимому, жокаками

въ землячествахъ, приходится, приблизительно, такіе проценты на долю всѣхъ студентовъ разныхъ факультетовъ:

на юридическомъ	$\frac{1}{2}\%$	всего	числа	студентовъ
„ математическомъ	1%	„	„	„
„ медицинскомъ	1%	„	„	„
„ филологическомъ	2%	„	„	„
„ естественномъ	5%	„	„	„

Эти проценты совершенно совпадаютъ съ тѣмъ, сколько профессоръ-агитаторовъ существуетъ по факультетамъ. На филологическомъ факультетѣ число агитаторовъ можетъ быть не очень велико, но тамъ оно пополняется приватъ-доцентами (Милюковъ, особенно).

18 дек. Вчера въ 3 часа было засѣданіе Совѣта. Передъ засѣданіемъ среди профессоровъ было сильное движеніе. Оказалось, что ректоръ уже подалъ въ отставку. На меня набросилось нѣсколько чело-чѣкъ, между прочимъ и Легонинъ, прося, чтобы я уговорилъ Некрасова повременить. Я оспаривалъ. Послѣ коротенькаго засѣданія Некрасовъ обратился къ профессорамъ съ рѣчью, въ которой описалъ свое положеніе: съ одной стороны—тайный Союзный Совѣтъ, небольшо-шой сравнительно по числу студентовъ, но плотно сложившійся и принимающій на себя роль распорядителя въ университетѣ, съ другой стороны—заявленіе 42 профессоровъ, что при теперешнемъ устройствѣ университетскаго суда онъ не можетъ быть правосуденъ, и студенты не могутъ питать къ нему довѣрія. Со студентами еще можно бы справиться, если бы всѣ профессора были единодушны, но если почти половина профессоровъ заявляетъ, что ректоръ и правленіе при тепе-решнемъ строѣ не заслуживаютъ довѣрія, то онъ, Некрасовъ, не мо-жетъ управлять и подалъ въ отставку, которая въ принципѣ принята, но попечитель и генералъ-губернаторъ попросили его повременить. Помощникъ ректора Звѣревъ заявилъ, что тоже подаетъ въ отставку.

Рѣчь ректора была сказана просто, искренно, коротко и произвела тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе.

Нѣсколько чело-чѣкъ изъ подписавшихъ петицію (не изъ жожа-ковъ) вскочили и стали заявлять, что у нихъ не было намѣренія вы-ражать недовѣріе кому-либо изъ университетскихъ властей. Одинъ изъ нихъ (Умовъ, Н. А.) сказалъ даже, что цѣль ихъ была умиротворить университетъ. Я было хотѣлъ также говорить, но ораторовъ было

много, и я рѣшилъ выждать, когда они выскажутся. Профессоръ Алексѣевъ очень громко и рѣзко заявилъ Некрасову, что большинство профессоровъ не участвовало въ петиціи, потому что не могло одобрить образа дѣйствія петиціонеровъ, которые хотѣли общеуниверситетское дѣло рѣшить въ ограниченномъ кружкѣ, и что это большинство, безъ сомнѣнія, сочувствуетъ Некрасову. Ректоръ просилъ прекратить бесполезный споръ и ушелъ. Многіе изъ петиціонеровъ вскочили съ мѣстъ и кричали Некрасову: „Павель Алексѣевичъ, вернитесь. выслушайте насъ: это одно недоразумѣніе“. Тутъ вскочили всѣ, и поднялся гамъ невообразимый, всѣ спорили, ссорились. Надо сказать, что вожаковъ петиціонеровъ не было никого, такъ что доставалось выслушивать укоры лицамъ, сравнительно невиннымъ. Изъ неподписавшихъ двое явились миротворцами—графъ Камаровскій и Самоквасовъ (Д. Я.). Они стали упрашивать меня, чтобы я взялъ на себя предсѣдательство для обсужденія дѣла. Я рѣшительно отказался и ушелъ. Послѣ меня гр. Камаровскій взялъ на себя предсѣдательство, и было выработано рѣшеніе: написать письмо Некрасову съ выраженіемъ довѣрія, съ тѣмъ, чтобы его подписали всѣ. Мы съ Алексѣевымъ рѣшили никакихъ заявленій не подписывать вмѣстѣ съ петиціонерами, потому что это послужило бы имъ только прикрытіемъ. Вечеромъ пріѣхалъ Самоквасовъ и опять уговаривалъ меня сдѣлать что нибудь. Я отказался на томъ основаніи, что въ настоящую минуту не видѣлъ средствъ помочь дѣлу; ректоръ не можетъ управлять, когда авторитетъ его и правленія подорванъ заявленіемъ 40 профессоровъ. Къ тому же я и не находилъ, чтобы Самоквасовъ и гр. Камаровскій были умѣлыми союзниками. Вечеромъ же я получилъ отъ Некрасова письмо съ просьбой въ воскресенье (18 Декабря) быть въ 4 часа у Легонина и пригласить туда же и Алексѣева, что я и исполнилъ.

Сегодня утромъ, когда я еще умывался, явился Самоквасовъ. Его надежды на удачу въ дѣлѣ примиренія видимо ослабли. Онъ былъ вчера вечеромъ у Г . . . ., который принялъ его холодно и между прочимъ сказалъ: „Какія заявленія будемъ мы дѣлать ректору, когда мы и не думали выражать ему недовѣріе? Въ нашей бумагѣ этого не видно. А потомъ—о какихъ волненіяхъ вы говорили? Молодежь вовсе не думаетъ волноваться, она совершенно спокойна“.

Самоквасовъ передалъ мнѣ, что попечитель желаетъ меня видѣть. и пригласилъ пріѣхать въ 11 ч. утра. Я поѣхалъ и засталъ тамъ Камаровскаго и Самоквасова. Гр. Капнистъ взялъ копію съ петиціи и началъ разбирать ее передъ нами. Въ ней говорится въ началѣ, что

студенты подверглись преслѣдованію и высылкѣ за участіе въ земляческой организаціи, которая была давно извѣстна не только полиціи, но и университетскимъ властямъ,—слѣдовательно, была какъ бы молчаливо ими признана. Буквально это тамъ не говорится, но, по мнѣнію гр. Капниста, петиція хочетъ сказать, что студенты высланы за участіе въ организаціи, которая молчаливо разрѣшалась самимъ начальствомъ университета. „Это завѣдомая ложь“, говорилъ гр. Капнисть. „а между тѣмъ студенты примутъ ее за истину, которая не можетъ не возмущать ихъ“. Затѣмъ онъ указалъ, что петиція, какъ я уже излагалъ выше, подрываетъ довѣріе къ университетскому суду. Все это попечитель излагалъ пространно, хорошо, совершенно вѣрно. Затѣмъ онъ чрезвычайно вѣрно описалъ безвыходность положенія ректора и его самого. По его словамъ, при первомъ щекотливомъ дѣлѣ, они будутъ имѣть на своей шеѣ 4000 человѣкъ студентовъ. Онъ понимаетъ, что ректоръ уходитъ. Самъ онъ уйти не можетъ, но, конечно, пламенно желалъ бы быть подальше отъ Московскаго и вообще отъ всякаго университета. „Мы идемъ къ страшной университетской катастрофѣ“, говорилъ онъ, „дай Богъ, чтобы мнѣ не пришлось быть участникомъ въ ней“. На мой вопросъ, отчего онъ раньше не сказалъ вожакамъ петиціонеровъ, чтобы они прекратили свою агитацію, онъ сталъ увѣрять, что онъ раньше послѣдняго засѣданія профессоровъ не зналъ о содержаніи петиціи. Виноградовъ и Эрисманъ говорили ему, что профессора хотятъ собраться для обсужденія вопроса о петиціи; они даже предлагали ему, чтобы онъ собралъ ихъ, но больше онъ ничего не зналъ. Его чрезвычайно удивляетъ, что въ петиціи участвовали Г . . . . К . . . . , и даже Ш . . . . , столь близкій ему человѣкъ, съ которымъ у него нѣтъ секретовъ.

Камаровскій спросилъ его, нельзя ли все-таки сдѣлать что-нибудь, чтобы уговорить ректора остаться. Капнисть видитъ возможность попытать одно средство: петиціонеры должны написать Некрасову письмо, въ которомъ они рѣшительно заявили бы: 1) что они порицаютъ запрещенныя студенческія организаціи, особенно Союзный совѣтъ, 2) что они общающъ поддерживать ректора и правленіе съ ихъ теперешнимъ правомъ суда въ правленіи.

Я замѣтилъ, что если бы петиціонеры и рѣшились высѣчь самихъ себя этимъ письмомъ, то это не можетъ служить ручательствомъ, что они затѣмъ не будутъ продолжать свою теперешнюю агитацію и все-таки дѣлать положеніе ректора невозможнымъ. — „Ну, тогда я буду бить прямо по головѣ“, возразилъ попечитель, „я тогда буду бить на смерть“.

Конечно, это было хвастовство.

Если-бъ въ эти годы онъ билъ хоть и не на смерть, а только больно, то мы не переживали бы теперешняго состоянія.

Гр. Камаровскій, несмотря на его оптимизмъ, былъ совсѣмъ смущенъ всѣмъ разговоромъ и, хотя взялъ съ собой проектъ заявленія, въ которомъ петиціонеры должны были себя сѣчь, но едва ли рѣшится предложить его этимъ господамъ.

Не могу догадаться, для чего звалъ меня попечитель. Совѣта моего онъ не спрашивалъ. Думаю, что онъ хотѣлъ разыграть передо мною роль корректнаго начальства, возмущеннаго дѣйствиємъ профессоровъ, въ надеждѣ, что я потомъ буду рассказывать это среди своихъ знакомыхъ. Его поведеніе мнѣ все-таки сомнительно.

Къ обѣду у Легонина собрались всѣ, кого я назвалъ выше, и кромѣ того—Даневскій, харьковскій профессоръ. Звѣревъ рассказалъ то, что ему говорилъ попечитель вчера вечеромъ, и чего онъ не сказалъ намъ, именно—какъ держалъ себя Великій Князь. По словамъ Капниста, на первомъ докладѣ о намѣреніи профессоровъ, Великій Князь гнѣвно выразился о профессорахъ, какъ о творящихъ смуту; на слѣдующій день онъ говорилъ спокойнѣе, но все-таки сказалъ, что петиціи онъ не приметъ, а на третій день—принялъ очень любезно, но сказалъ, что исполнить только ту часть, которая относится къ его вѣдомству, именно—о пересмотрѣ вопроса о высылкѣ, а остальные оставить безъ послѣдствій. На четвертый день, когда попечитель докладывалъ объ отставкѣ ректора, Великій Князь будто бы сказалъ: „Да, Вы должны обуздать профессоровъ!“ Тогда попечитель, будто бы замѣтилъ, что разъ Его Высочество принялъ петицію, онъ, попечитель, безсиленъ сдѣлать что-нибудь; а когда Великій Князь сказалъ, что обуздать долженъ министръ, гр. Капнистъ отвѣтилъ, что и министръ встрѣтится съ тѣмъ же затрудненіемъ. Правда ли все это, не берусь рѣшить.

Легонинъ предложилъ написать Некрасову письмо отъ лица только тѣхъ профессоровъ, которые не подписали петиціи, приблизительно такого содержанія: „Мы, нижеподписавшіеся профессора, не подписавшіе петиціи и не одобряющіе образа дѣвствій профессоровъ подписавшихъ, заявляемъ Вамъ уваженіе, какъ человѣку, и довѣріе, какъ ректору“. Копію съ этого письма предположено представить графу Капнисту. Легонинъ увѣренъ, что попечитель долженъ будетъ volens-

полена представить ее и Великому Князю и министру, а это еще болѣе отгнѣнить поведеніе петиціонеровъ. Мы согласились, хотя я не думаю, чтобы это могло имѣть серьезныя послѣдствія.

Во время обѣда Звѣревъ получилъ длинное письмо отъ проф. Грота, который, умоляя его и ректора не спѣшить отставкой, говоритъ, что 39 изъ 42-хъ подписавшихся попали въ ловушку, устроенную интриганами. Затѣмъ онъ прислалъ второе письмо, гдѣ проситъ Звѣрева зайти къ нему, потому что хочетъ сообщить ему о какой-то двойной интригѣ. Звѣревъ пошелъ. Любопытно, что онъ узнаеть. Алексѣевъ поѣхалъ собирать подписи къ нашему письму.

Слышно, что на вторникъ слѣдующей недѣли назначено у Митропольскаго собраніе всѣхъ кающихся петиціонеровъ. Они хотять писать какое-то письмо.

Звѣревъ и Некрасовъ рѣшили просить С. А. Петровскаго напечатать въ завтрашнемъ номерѣ Московскихъ Вѣдомостей слухъ объ ихъ отставкѣ.

Для вопроса о томъ, какъ воспитываются студенты въ революціонномъ духѣ, любопытенъ разсказъ Алексѣева объ его разговорѣ съ приватъ-доцентомъ И. И. И . . . . . Этотъ господинъ заявилъ, что въ исторіи бывають моменты, когда нарушеніе закона обязательно, когда даже начальственныя лица должны нарушить его. Алексѣевъ замѣтилъ ему на это, что, конечно, бывають такіе моменты, но эти моменты бывають тогда, когда начинается революція; что едва ли можно сказать это про наше время. Можно себѣ представить, какъ понемножку обрабатываютъ студентовъ такіе преподаватели.

21 Дек. Въ понедѣльникъ я не видѣлъ никого изъ профессоровъ. Вечеромъ ко мнѣ зашелъ И. Е. Цвѣтковъ; я очень люблю бесѣдовать съ нимъ, не только потому, что онъ во многомъ думаетъ, какъ я, но и потому, что онъ съ природнымъ умомъ соединяетъ большую искренность, житейскій опытъ и твердый характеръ. Бесѣдуя съ нимъ, чувствуешь, что это нравственная сила. Онъ въ главныхъ чертахъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ университетѣ и смотритъ на нихъ очень мрачно. Между прочимъ онъ обратилъ мое вниманіе на то, что приговоръ Союзнаго Совѣта объ И. И. Янжулѣ былъ напечатанъ въ лондонскомъ русскомъ журналѣ, который редактируется Степякомъ, убійцей Мезенцева. Изъ этого видно, что Союзъ имѣеть связь съ рево-

люціонерами самаго крайняго характера. Онъ же мнѣ разсказалъ нѣкоторыя подробности по прошлогоднему дѣлу Янжула. Послѣ того, какъ его освистали за отказъ прекратить лекцію въ день 19 Февраля и за сравненіе этой формы празднованія съ показываніемъ кукиша, къ которому прибѣгаютъ лакеи, Янжулъ былъ встревоженъ анонимными письмами, которыя грозили ему новыми оскорбленіями, а профессора, по крайней мѣрѣ—нѣкоторые, возмущались студенческой расправой. Въ это время къ Янжулу явился профессоръ Эрисманъ, чтобы успокоить его и сказать, что къ нему явятся человекъ 30 изъ его слушателей, принадлежащихъ къ Центральному Союзу, и разъяснятъ ему все дѣло. Явилось, дѣйствительно, нѣсколько студентовъ, но не юристовъ, а медиковъ, и въ дѣйствительности—не для успокоенія, а для того, чтобы получить отъ Янжула объясненія, снять съ него допросъ. По словамъ Цвѣткова, это былъ допросъ въ присутствіи слѣдователя и прокурора, для доклада судебной комиссіи Совѣта. Очевидно, что уже тогда готова была организація, которая въ нынѣшнемъ году судила Владимірова.

Во вторникъ 20 Дек. я зашелъ-было въ университетъ, чтобы повидаться съ ректоромъ, но узналъ, что послѣ засѣданія правленія ректоръ съ помощникомъ и деканами заняты какимъ-то новымъ засѣданіемъ. Въ сѣняхъ я встрѣтилъ Цвѣтаева (И. В.). Всеволодъ Миллеръ очень уговаривалъ Цвѣтаева подписать петицію, говоря, что этому дѣлу успѣхъ обезпеченъ, ... Цвѣтаевъ же разсказалъ мнѣ, какъ нѣкоторые объясняютъ смѣлость Г. . . ., который обыкновенно отличается большою трусостью и никогда не подписывается ни подъ какимъ заявленіемъ, пока этого не сдѣлаютъ прочіе товарищи, а въ этомъ дѣлѣ вдругъ взялся даже за предсѣдательство: думаютъ, что онъ захотѣлъ, передъ тѣмъ, какъ покинуть университетъ, принять вѣнецъ мученика за „дѣло молодежи“ въ расчетъ, что это создастъ ему популярность въ думѣ (московской городской), гдѣ онъ желалъ бы играть видную роль и, можетъ быть, сдѣлаться головой.

Вечеромъ заѣхалъ ко мнѣ Алексѣевъ. Онъ все время объѣзжалъ профессоровъ съ предложеніемъ подписаться подъ бумагой, сочиненной у Легонина. Подписка шла туго. Отговаривались разными причинами, повидимому—пугали больше всего слова: „*порицаемъ образъ дѣйствиій*“. Алексѣевъ былъ между прочимъ у Анатолія Петровича Богданова, который далъ ему характерный для него, но, во всякомъ случаѣ, умный совѣтъ: „Борьба, которая идетъ теперь между профессорамп.

не есть только домашній споръ; это борьба двухъ политическихъ направлений, борьба, которая зарождается по всей Россіи и между прочимъ въ Петербургѣ, около самого Императора. Поэтому будьте осторожны, не пишите никакихъ документовъ, которые могли бы быть впоследствии выставлены противъ васъ. Если побѣдитъ партія, называемая либеральной, то, повѣрьте, она не дастъ вамъ пощады и воспользуется противъ васъ всѣми вашими промахами. Ваша позиція очень сильна, потому что вы стоите на почвѣ законности; но теперь надо выждать, выбравъ хорошаго руководителя, который бы стоялъ у руля“.

Сегодня у насъ на юридическомъ факультетѣ было засѣданіе. Передъ тѣмъ я зашелъ къ ректору. Отъ него узналъ, что Великій Князь подлинную петицію отослалъ къ попечителю, а этотъ въ университетъ. Что это значитъ, не знаю, но думаю, что скорѣй это значитъ, что Великій Князь отказывается дать ей какое-либо движеніе. По словамъ Звѣрева, онъ выразилъ попечителю, что отставка ректора и его помощника ему понятна, ибо онъ признаетъ, что петиція сдѣлала для нихъ управленіе невозможнымъ. Это тоже говоритъ за то, что онъ противъ петиции. Попечитель представилъ ему докладъ, въ которомъ письменно изложилъ то, что я уже слышалъ въ устномъ изложеніи въ прошлое воскресенье. Если онъ дѣйствительно представилъ этотъ докладъ Великому Князю, то онъ долженъ былъ произвести впечатлѣніе, потому что составленъ искусно. Только, къ сожалѣнію, попечитель не указываетъ въ немъ на послѣдствія петиции, которыя онъ мнѣ описывалъ въ воскресенье.

Мы толковали съ ректоромъ, Звѣревымъ и Алексѣевымъ, что необходимо будетъ созвать профессоровъ для того, чтобы выяснить теперешнее положеніе и намѣтить образъ дѣйствій въ ближайшемъ будущемъ: это должно объединить нашихъ единомышленниковъ.

25 Дек. Вчера ректоръ позвалъ меня, Алексѣева и Легонина для совѣщанія съ нимъ и Звѣревымъ относительно общаго собранія профессоровъ, которое онъ назначилъ на четвергъ, 29 Декабря.

Здѣсь я узналъ, во 1-хъ, что петиціонеры представили Некрасову письмо въ отвѣтъ на его рѣчь въ Совѣтъ. Въ немъ они прежде всего хвалятъ его довольно пространно за то, что, несмотря на назначеніе отъ правительства, онъ сообразуется съ настроеніемъ профессоровъ и даже выходитъ въ отставку, заподозривъ, что значительное меньшинство

не довѣряетъ ему (странное пониманіе образа дѣйствія ректора—все съ точки зрѣнія тоски по уставу 1863!). Затѣмъ они толкуютъ смыслъ петиціи, стараясь доказать, что въ ней нѣтъ ничего обиднаго для ректора. Эти толкованія произвели на ректора, Звѣрева, Легонина, однимъ словомъ—на всѣхъ насъ впечатлѣніе лицемѣрія. Можетъ быть, тутъ было и не одно лицемѣріе. . . . .
 Можетъ быть, тутъ много и недомыслія. Во 2-хъ, я узналъ о слѣдующемъ разсказѣ попечителя: по его словамъ, черезъ нѣсколько дней по подачѣ петиціи, т.-е. дня 3—4 тому назадъ, Г. . . . . былъ вызванъ въ канцелярію ген.-губернатора. Ис. . . . . отъ имени Великаго Князя объявилъ ему, что ген.-губернаторъ исполнитъ то, что намѣревался сдѣлать и самъ, т. е. пересмотритъ основанія высылки студентовъ; остальныхъ пунктовъ петиціи не исполнитъ, ибо они до него не относятся. Г. . . . . при этомъ заявилъ, что онъ въ этомъ дѣлѣ сторона. Ис. . . . ., замѣтивъ ему, что онъ очень радъ слышать это, сказалъ, что можно вслѣдствіе этого говорить съ нимъ свободнѣе, и началъ очень рѣзко критиковать содержаніе петиціи.

Ректоръ рѣшилъ 29 Декабря представить профессорамъ подробное изложеніе всѣхъ добытыхъ документовъ, характеризующихъ Союзный Совѣтъ землячества; и затѣмъ кто-нибудь изъ его сторонниковъ долженъ будетъ предложить профессорамъ сдѣлать письменное заявленіе въ томъ смыслѣ, что они порицаютъ Союзный Совѣтъ, какъ вредный студенческой союзъ, и общеніе съ нимъ профессоровъ признаютъ противнымъ долгу службы и нравственности.

Сегодня у меня былъ Митропольскій. Онъ увѣрялъ, что изъ подписавшихъ петицію многіе готовы искупить чѣмъ-нибудь этотъ шагъ. Я старался его подготовить къ принятію вышеупомянутаго заявленія. Онъ хотѣлъ поговорить со своими товарищами.

28 Декабря. За послѣдніе дни университетская исторія подвинулась немного. Третьяго дня забѣжалъ ко мнѣ Гротъ, который никогда у меня не бываетъ. Узнавши, что у меня въ домѣ скарлатина, онъ очень быстро надѣлъ шубу и тогда только сталъ разговаривать: „Я слышалъ, что вы хотите обратиться къ студентамъ съ рѣчью?“ Я былъ очень удивленъ такимъ глупымъ вопросомъ и объяснилъ ему, что не только не хочу, но и не имѣю на это права. Профессору, какъ и студенту, все кажется возможно! Гротъ передалъ мнѣ, что онъ только что отъ ректора, который былъ вызванъ къ ген.-губернатору. Ректоръ разсказалъ ему, что Великій Князь очень сердитъ на профессоровъ,

подавшихъ петицію. Вѣроятно, это заставило Грота заглянуть ко мнѣ, чтобы заявить, что теперь онъ понялъ характеръ Союзнаго Совѣта и будетъ рѣшительно противъ него.

Былъ я у Тарасова. Онъ мнѣ разсказалъ, что у него былъ молодой Пржевальскій (В. В., присяжный повѣренный), который передалъ ему московскій слухъ, будто гр. Капнистъ увольняется, и на его мѣсто назначаютъ меня. Конечно, это московскій вымыселъ¹⁾.

30 Декабря. Третьяго дня (28 Декабря) пріѣхали ко мнѣ Некрасовъ и Митропольскій.

Послѣдній просилъ заѣхать къ нему вечеромъ въ виду того, что нѣкоторые изъ петиціонеровъ желали бы послушать о моихъ взглядахъ на текуція событія. Некрасовъ не засталъ меня дома. Я поѣхалъ къ нему, и въ сѣняхъ его квартиры (послѣ скарилатины у Маруси²⁾), мы бесѣдовали. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ подѣлиться впечатлѣніемъ, которое произвело на него хронологическое сопоставленіе нѣкоторыхъ данныхъ относительно поступковъ попечителя. Во 1-хъ, кажется, 7-го Декабря кн. Трубецкой привозитъ Капнисту извѣстіе изъ Петербурга, что Великій Князь Сергій Александровичъ относится *очень тепло къ студентамъ*. Въ этотъ же день попечитель заявляетъ ректору, что онъ (Капнистъ) либераль (повидимому, вслѣдствіе какихъ-то свѣдѣній отъ Трубецкаго). Во 2-хъ, 8-го или 9 Дек. (по словамъ самого же Капниста) онъ встрѣчается *случайно* съ Г. . . . и говоритъ съ нимъ о проектируемомъ собраніи профессоровъ. Совершенно *случайно* (!) попечитель заходитъ и къ Виноградову и съ нимъ говоритъ опять объ этомъ собраніи. Въ 3-хъ, наканунѣ послѣдняго собранія петиціонеровъ, онъ видится съ Г. . . . въ Думѣ, и тотъ предлагаетъ ему прочесть проектъ петиціи. Попечитель увѣряетъ, что онъ прочиталъ начало, а дальше читать отказался, потому что уже въ самомъ началѣ встрѣтилъ осужденіе дѣйствій правленія. Это послѣднее безусловно не заслуживаетъ довѣрія: петиція недѣли двѣ служила предметомъ интереса и разговора всей Москвы; ею несомнѣнно интересовался Великій Князь, живя въ Петербургѣ. . . . .
Можетъ ли быть, чтобы попечитель округа, имѣя въ рукахъ проектъ самой петиціи, отказался познакомиться съ нимъ! Въ 4-хъ, Г. . . .

¹⁾ Слухъ этотъ оправдался, Н. П. Боголѣповъ былъ назначенъ попечителемъ 29-го Іюня 1895 г. П. Б. (младшій).

²⁾ Дочь Н. П. Боголѣпова.

въ собраніи петиціонеровъ выразился такимъ образомъ: „Я былъ у попечителя, потомъ поѣхалъ въ Союзный Совѣтъ землячествъ.... затѣмъ я выработалъ слѣдующія положенія“. Эти слова Г. . . . передалъ проф. Алекс. Петр. Павловъ (геологъ), бывший въ собраніи петиціонеровъ. На него они произвели такое впечатлѣніе, что Г. . . . умышленно сопоставилъ эти три обстоятельства, дабы слушатели поняли, что онъ дѣйствуетъ съ одобренія попечителя. Въ 5-хъ, въ собраніи присутствовали лица, близкія попечителю: самъ Г. . . . К. . . . , Ш. . . . , Эрисманъ, Виноградовъ. Смѣлость Г. . . . тоже удивляетъ всѣхъ: обыкновенно онъ въ случаяхъ, когда нужно подписывать какое-нибудь общее заявленіе, подходит послѣдній, а здѣсь онъ является авторомъ проэкта, предсѣдателемъ собранія и парламентаромъ между профессорами и Союзнымъ Совѣтомъ.

1-го Января 1895 г. Все это время я не имѣлъ возможности описать важное въ нашей жизни событіе—собраніе профессоровъ 29 Декабря въ четвергъ.

Наканунъ я былъ у Митропольскаго. Собрались: Маклаковъ (А. Н.), Умовъ (Н. А.), Корсаковъ Сергѣй, Лопатинъ, Гротъ. До начала бесѣды о завтрашнемъ засѣданіи Гротъ и Лопатинъ рассказали, что письмо, написанное петиціонерами ректору и заключающее въ себѣ, въ сущности, только подтвержденіе того, что было въ петиціи, было сначала проэктировано К. . . . въ иномъ духѣ и заключало въ себѣ, будто бы, нѣкоторое дѣйствительное удовлетвореніе ректору: но тамъ надо было сдѣлать маленькую поправку, которая поручена была К. . . . Однако, къ нему присоединился Г. . . . и передѣлалъ все письмо радикально, придавъ ему вышеуказанный лицемѣрный тонъ. Сами петиціонеры сердиты за это на Г. . . . Ш. . . . негодовалъ на К. . . . , какъ онъ рѣшился дозволить Г. . . . такія передѣлки въ письмѣ, ...

Когда всѣ собрались (не пріѣхали К. . . . и Кожевниковъ), разговоръ начался прямо съ вопроса: слѣдуетъ ли профессорамъ выразить порицаніе Союзному Совѣту. Гротъ заявилъ, что въ настоящее время у Виноградова собираются профессора филологи, и тамъ Виноградовъ предложить поддерживать одно требованіе,—чтобы профессора высказались въ пользу узаконенія землячествъ. Гротъ самъ тоже горячо стоялъ за нихъ. Другіе возражали, что нѣтъ нужды смѣшивать два вопроса, что обсужденіе вопроса о землячествахъ въ связи съ вопросомъ о Союзномъ Совѣтѣ можетъ даже повредить первымъ, потому что они посылали своихъ представителей въ Совѣтъ. Я старался доказать

невозможность университетской жизни при существованіи подпольнаго студенческаго правительства, претендующаго управлять не только студентами, но и профессорами. Со мной вполнѣ и открыто соглашался только Лопатинъ. Маклаковъ молчалъ, хотя видно было, по отрывочнымъ фразамъ, что онъ не согласенъ. Меньше всѣхъ могли понять мой взглядъ Умовъ и Корсаковъ. Умовъ началъ какую-то длинную рѣчь, цѣли которой я никакъ не могъ понять. Закончилъ онъ ее словами: „нужно относиться къ студентамъ отечески“. Я спросилъ: „Чего же вы хотите? Признать Союзный Совѣтъ законнымъ или устроить еще что-нибудь?“ Онъ остановился въ недоумѣніи и отвѣтилъ: „Я, право, не знаю“. Корсаковъ заявилъ, что онъ не можетъ сейчасъ сказать, нужно ли порицать Союзный Совѣтъ, что ему нужно еще объ этомъ подумать. Наши разговоры затянулись до часу ночи. Я вынесъ изъ нихъ такія заключенія: во 1-хъ, что на общемъ собраніи профессоровъ необходимо непременно считаться съ требованіемъ узаконить землячества и вообще обсуждать Союзный Совѣтъ въ связи съ землячествами; во 2-хъ, что у многихъ профессоровъ крѣпко засѣла мысль о необходимости допустить студентовъ къ активному участию въ управленіи университетскими дѣлами, или, по крайней мѣрѣ, къ веденію дѣлъ, имѣющихъ цѣлью улучшение экономическаго быта студентовъ. Это особенно замѣтно было въ разговорахъ съ Умовымъ и Корсаковымъ. Въ доказательство благотѣльнаго участія студентовъ въ университетскомъ управленіи Умовъ привелъ случай въ Одессѣ, когда студенческіе беспорядки были прекращены благодаря тому, что человекъ 200 студентовъ заняли всѣ коридоры и другія помѣщенія университета и не допускали товарищей, желавшихъ шумѣть. Корсаковъ увѣрялъ, что землячества вошли въ плоть и кровь студенческой жизни. Маклаковъ указывалъ, что въ Парижѣ образовались студенческія ассоціаціи, которыя устроили дешевыя квартиры, рестораны и т. п. Они не придавали значенія моимъ возраженіямъ, что къ студенческимъ союзамъ у насъ неизбежно прививается политиканство, но что даже если этого и не будетъ, то занятіе дѣлами землячествъ, особенно если они поставлены широко, не оставитъ мѣста для главнаго дѣла студентовъ—ученья. Въ 3-хъ, наконецъ, я еще разъ убѣдился, что у нѣкоторыхъ профессоровъ идеалы относительно студенчества очень неопредѣленны. Они желаютъ для нихъ какой-то свободы, а въ чемъ она должна выразиться, они и сказать не могутъ. Главное побольше протестовать, побольше „прогресса“.

На слѣдующій день, въ четвергъ 29-го Декабря, профессоровъ собралось много. Ректоръ началъ съ представленія документовъ, кото-

рые должны были характеризовать Союзный Совѣтъ. Онъ выбралъ пять. Первымъ была прочитана прокламація Союзнаго Совѣта въ отвѣтъ на объявленіе попечителя, который предостерегалъ студентовъ отъ участія въ беспорядкахъ, указывая, что они возбуждаются кучкой неблагонамѣренныхъ товарищей. Въ своей прокламаціи Союзный Совѣтъ хочеть просвѣтить студентовъ и публику о томъ, что онъ такое есть. Я не могу подробно передать содержаніе этого документа, такъ же, какъ и послѣдующихъ. Я надѣюсь получить съ нихъ копіи. Въ главныхъ чертахъ содержаніе прокламаціи слѣдующее: студенты давно чувствовали потребность единенія для взаимной помощи—матеріальной, умственной и нравственной. Союзный Совѣтъ является органомъ, который долженъ удовлетворить этой цѣли: онъ не только собираетъ денежные средства для помощи товарищамъ, но и слѣдитъ за ихъ нравственностью. Помнится, тамъ сказано, что онъ ставитъ своей цѣлью препятствовать и неправильнымъ дѣйствіямъ начальства и профессоровъ. Совѣтъ выдѣлилъ изъ себя *Судебную Комиссію*. Второй документъ представлялъ копію съ „приговора Судебной Комиссіи по дѣлу Владимірова“. Въ ней сказано, что Союзный Совѣтъ, узнавъ о переходѣ проф. Владимірова изъ Харькова въ Москву, въ присяжные повѣренные, и о намѣреніи его открыть курсъ въ университетѣ, а также о намѣреніи студентовъ устроить ему скандалъ, поручилъ Судебной Комиссіи разслѣдовать дѣло. Судебная Комиссія выслушала свидѣтелей и собрала справки (замѣчу, что свидѣтелемъ, повидимому, былъ только одинъ харьковскій профессоръ Даневскій, который въ письмѣ изложилъ разныя свѣдѣнія о Владиміровѣ; письмо онъ написалъ Гольцеву (В. А.), который просилъ его сообщить ему *достоверныя* свѣдѣнія, такъ какъ они предназначаются для студентовъ; это рассказывалъ Звѣреву самъ Даневскій). Затѣмъ излагаются обстоятельства. Владиміровъ прежде былъ либераль, стоялъ за состязательность и гласность въ судѣ; съ 1886 г. онъ начинаетъ мѣнять свои взгляды вмѣстѣ съ наступленіемъ реакціоннаго направленія въ правительствѣ. При этомъ перечисляются его новые взгляды, высказанные въ литературѣ и лекціяхъ, напр., онъ сталъ совѣтовать предсѣдателямъ судовъ давать окрики на адвокатовъ. Далѣе указывается, что Владиміровъ защищалъ земскаго начальника Протопопова и ростовщика Канерова. Въ заключеніе выставляются три обвинительные пункта: Владиміровъ—реакціонеръ, защищаетъ грязныя дѣла, проповѣдуетъ идеи правительства и еще что-то въ этомъ родѣ.

Приговоръ: не допускать Владимірова въ Московскій университетъ.

Третій документъ—выдержки изъ лондонскаго русскаго журнала, называемаго, кажется: „Russian Free Press Fund“.

Здѣсь сначала излагается прошлогодняя исторія съ профессоромъ Янжуломъ, котораго студенты освистали за то, что онъ отказался прекратить лекцію въ день 19-го Февраля и ихъ манеру праздновать этотъ день сравнилъ съ показываніемъ кукиша въ карманѣ.

Союзный Совѣтъ говорить, что онъ поручилъ Судебной Комиссіи разслѣдовать это дѣло и, на основаніи ея донесенія, рѣшилъ результаты разслѣдованія предать широкой гласности; а затѣмъ „объявилъ дальнѣйшую агитацію противъ профессора Янжула нежелательной и излишней“ *).

Проф. Янжулъ при этомъ рассказалъ, какъ къ нему являлись студенты, съ которыми онъ бесѣдовалъ очень дружелюбно, не подозревая, что это делегаты Союзнаго Совѣта, и какъ онъ былъ удивленъ послѣ, когда весной, находясь въ Крыму, получилъ копію съ приговора Судебной Комиссіи, изъ которой увидалъ, что бесѣда съ этими студентами была его допросомъ.

Четвертый документъ былъ образчикъ административныхъ распоряженій Союзнаго Совѣта. Передъ его чтеніемъ проф. Г. . . . объяснилъ, что слушатели просили его ходатайствовать о возвратѣ высланныхъ студентовъ. Съ этой цѣлью онъ ѣздилъ къ попечителю. По возвращеніи отъ него онъ засталъ у себя ожидавшихъ его неизвѣстныхъ студентовъ, которые назвались членами Союзнаго Совѣта, пріѣхавшими просить его о помощи. Г. . . . ѣздилъ вечеромъ въ засѣданіе этого Совѣта и засталъ тамъ человѣкъ 30; онъ сообщилъ имъ, что попечитель обѣщался хлопотать о смягченіи участи высланныхъ и о мягкомъ приговорѣ надъ участниками сходки. Это произвело на нихъ пріятное впечатлѣніе. Они просили его помочь предупредить сходку, которая предполагалась на слѣдующій день. Послѣ беспорядковъ, вызванныхъ исторіей съ Ключевскимъ, Союзный Совѣтъ издалъ прокламацію къ студентамъ, въ которой онъ проситъ не производить беспорядковъ, ибо надѣется добиться возвращенія высланныхъ студентовъ другими средствами: „мы вошли въ сношеніе съ высшими сферами, профессора сообщили намъ реніе хлопотать о высланныхъ:

*) Russian Free Press Fund. 25 Іюня 1894 (н.—с.) Лондонъ. Листокъ 9-ый. (Въ унив. дѣлѣ это листъ 23-й и слѣд.).

нѣкоторыя высокопоставленныя лица также принимаютъ участіе въ ихъ дѣлѣ“. Союзный Совѣтъ просилъ студентовъ не брать отпусковъ до 15-го Декабря. Если къ этому времени студенты не будутъ возвращены, то Совѣтъ беретъ на себя устройство *бурныхъ демонстрацій*.

Пятымъ документомъ было воззваніе *бывшихъ* московскихъ студентовъ къ обществу. По словамъ ректора, онъ написанъ тою же рукой, какъ и прочіе документы, и, вѣроятно, исходитъ отъ того же Союзнаго Совѣта, такъ какъ прежніе его члены, окончившіе курсъ въ университетѣ, не прекращаютъ связи съ нимъ. Это воззваніе полно громкихъ фразъ о прогрессѣ, гуманности и т. п. Существенно въ немъ то, что оно ругаетъ университетское начальство, особенно графа Капниста, запятнавшего себя и какъ человѣкъ и какъ администраторъ, и приглашаетъ содѣйствовать его удаленію.

По прочтеніи этихъ документовъ, изъ которыхъ судебныя приговоры, кажется, произвели самое сильное впечатлѣніе, ректоръ предложилъ приступить къ выраженію своихъ мнѣній. Наступило молчаніе. Никто не поднимался. Тогда я всталъ и сказалъ въ существѣ слѣдующее:

1. Изъ сообщенія ректора видно, что еще съ прошлаго года студенческой Союзный Совѣтъ сталъ судить и наказывать профессоровъ или за то, что они говорили оскорбительныя слова, или за то, что они держались такихъ взглядовъ на общественные вопросы, которые были антипатичны членамъ Союзнаго Совѣта, или за то, что они измѣнили свои прежніе взгляды, которые были членамъ совѣта симпатичны.

2. Эти сообщенія ректора открываютъ передъ нами пропасть, въ которую мы стремимся и упадемъ, если не примемъ своевременно мѣръ. Если профессоръ не можетъ свободно держаться извѣстныхъ взглядовъ или не можетъ измѣнять ихъ, не рискуя подвергнуться за это оскорбленію со стороны тайнаго студенческаго кружка, то, строго говоря, университетъ, какъ учебно-воспитательное заведеніе, уже не существуетъ. Это, конечно, понимаетъ всякій профессоръ.

Но, можетъ быть, нѣкоторые скажутъ себѣ: Союзный Совѣтъ преслѣдуетъ за выраженіе только *извѣстныхъ* взглядовъ; я не буду выражать ихъ и буду себѣ читать лекціи безъ всякихъ непріятностей, а если я буду выражать взгляды, пріятныя для молодежи, то даже буду

пользоваться съ ихъ стороны оваціями. Но это расчетъ невѣрный: разъ молодые люди, организованные въ кружокъ, почувствовали свою силу, они не останутся на томъ, что сдѣлали теперь. Они прежде всего переберутъ и другихъ профессоровъ съ неприятными имъ взглядами. Затѣмъ они начнутъ предъявлять профессорамъ и новыя требованія. Выступятъ наружу разные темные инстинкты. Малоуспѣшные студенты будутъ назойливо требовать снисходительной оцѣнки ихъ работъ и экзаменныхъ отвѣтовъ. Если профессоръ будетъ упираться, они будутъ рассказывать о немъ невѣроятные случаи строгости, и „Судебная Комиссія“ сдѣлаетъ ему предостереженіе или прямо наложитъ наказаніе. Студенты могутъ потребовать большей власти въ распоряженіи кабинетами, лабораторіями, большей снисходительности при раздачѣ стипендій и пособій.

Этого мало. Самыя наказанія, которыя Союзный Совѣтъ будетъ налагать на профессоровъ, должны неизбѣжно усиливаться. Уже и теперь свистки для многихъ профессоровъ не страшны.

Чтобы настоять на своемъ. Союзный Совѣтъ долженъ придумать новую мѣру. Говорятъ, что проф. Владимирову, на случай упорнаго желанія читать лекціи, была указана такая градація: свистки, брань, побои. Не знаю, достовѣрны ли эти рассказы, но градація естественна. Объ убійствѣ не говорятъ, потому что и послѣ побоевъ профессоръ, вѣроятно, покорится, а до побоевъ дѣло должно дойти, ибо и къ брани профессора могутъ привыкнуть.

Сколько же униженій долженъ будетъ вынести профессоръ, рѣшившійся терпѣть вплоть до побоевъ! А главное: какое страшное развращеніе должно поселиться въ душахъ цѣлаго ряда студенческихъ поколѣній, какое презрѣніе вынесутъ они изъ университета при видѣ безпомощныхъ профессоровъ, которые не поняли своего долга или не имѣли мужества исполнять его!

Но, какъ бы ни были терпѣливы профессора, наконецъ, и они потеряютъ терпѣніе. Террористическій кружокъ не можетъ остановиться на полпути: и въ своихъ требованіяхъ, и въ своихъ насиліяхъ онъ дойдетъ, наконецъ, до того, что задѣнетъ очень многихъ профессоровъ. Тогда они поднимутъ вопль и будутъ просить правительство о спасеніи; они будутъ взывать и къ обществу (какъ взывали Русскія Вѣдом. въ 1880 г., когда студенты стали наступать на Тихонравова), которое до тѣхъ поръ наполнялось выпусками изъ университета демо-

рализованныхъ учениковъ этихъ же самыхъ профессоровъ. Тогда, конечно, наступитъ реакція всюду, и первой жертвой ея будутъ сотни, если не тысячи молодыхъ людей, въ сущности гораздо менѣ виновныхъ, чѣмъ мы, профессора, которые частью своею близорукостью, частью недостаткомъ чувства гражданскаго долга доводимъ ихъ до гибели,—погибели не только въ практической жизни и карьерѣ, но и въ нравственной: они останутся нравственно изувѣченными на всю жизнь.

Что же? Неужели нѣтъ выхода изъ этой пропасти? Я думаю, что еще есть возможность, если не уничтожить сразу опасную подпольную организацію, то остановить дальнѣйшее ея развитіе.

Средство борьбы находится въ рукахъ профессоровъ. Если вы согласны, что обстоятельства, сообщенныя ректоромъ, дѣйствительно извращаютъ университетскую жизнь, дѣлаютъ ее даже невозможной. если это убѣжденіе дѣйствительно проникаетъ васъ, то уже половина дѣла сдѣлана. Другая половина должна заключаться въ томъ, чтобы это убѣжденіе перешло въ дѣло. 1) Студенты и все московское общество должны узнать, что профессора *порицаютъ Союзный Совѣтъ*, этотъ союзъ, претендующій судить профессоръ и университетское начальство, предписывать имъ образъ дѣйствій и наказывать за несогласіе съ ними; что профессора, узнавъ о такомъ характерѣ Союзнаго Совѣта, считаютъ сношенія профессоръ съ членами этого Совѣта противными самымъ основамъ университетской жизни, ихъ служебному и нравственному долгу. 2) Въ дальнѣйшей, будничной жизни профессора должны имѣть мужество дружно проводить то правило, что студенты въ университетѣ должны *только* учиться, что они обязаны уважать авторитетъ ихъ учителей и университетской власти. Какъ скоро студенты увидятъ, что всѣ профессора, какъ одинъ человекъ, держатся этихъ взглядовъ, не смотря на разницу въ своихъ ученыхъ, политическихъ убѣжденіяхъ и проч., такъ тотчасъ же среди нихъ появится совсѣмъ иной духъ, и такимъ образомъ мы навсегда распростимся со студенческими безпорядками.

Но мы должны имѣть мужество заявить открыто наше убѣжденіе и довести его такъ или иначе до свѣдѣнія студентовъ и общества: существованіе Союзнаго Совѣта грозитъ подорвать въ корнѣ здоровую университетскую жизнь, потому что студенты присвоиваютъ себѣ право судить профессоръ и университетское начальство, предписывать имъ образъ дѣйствій и наказывать за неповиновеніе. Дѣло не можетъ огра-

ничиться тѣми случаями суда и наказаніями, которые были до сихъ поръ. Разъ студенты организовались и почувствовали силу, они начнутъ увеличивать свои требованія и средства принужденія; въ одинъ-два года они дойдутъ до такихъ требованій, которые возмутятъ самаго терпѣливаго профессора, и отъ свистковъ легко перейдутъ къ насліямъ. Тогда профессора завопятъ, и наступитъ реакція, которая отразится исключеніемъ и высылкой цѣлыхъ сотенъ или же тысячъ студентовъ, т.-е. тѣхъ, кого мы сами развращаемъ теперъ своимъ попустительствомъ. Чтобы предупредить эти бѣдствія, главное средство—чтобы профессора дѣйствительно прониклись убѣжденіемъ, что теперешній порядокъ ненормаленъ, не долженъ быть терпимъ. Вторымъ шагомъ должно быть громкое заявленіе, которое должны услышать студенты и общество,—заявленіе, что профессора считаютъ Союзный Совѣтъ вреднымъ, несомѣстнымъ съ правильной университетской жизнью. А затѣмъ, въ ежедневной будничной жизни, профессора въ своихъ сношеніяхъ со студентами должны постоянно проводить то правило, что въ университетѣ профессора должны учить, а студенты только учиться.

Послѣ меня Виноградовъ сказалъ приблизительно слѣдующее: высказать только порицаніе Союзному Совѣту—будетъ одностороннимъ рѣшеніемъ дѣла. Нельзя закрывать глаза на то, какими причинами вызвано появленіе Союзнаго Совѣта. Студенты имѣютъ много неудовлетворенныхъ потребностей, матеріальныхъ и отчасти нравственныхъ. Землячества являются естественнымъ выраженіемъ попытокъ удовлетворить этому стремленію студентовъ помогать другъ другу. Поэтому, если выразить порицаніе Союзному Совѣту, то одновременно надо выразить желаніе, чтобы землячества были узаконены и организованы. Ту же мысль высказалъ и Сѣченовъ, хотя въ очень неуклюжей формѣ. Профессоръ Тихомировъ (Александръ Андреевичъ) сказалъ, что мы должны придти на помощь благоразумной части студентовъ: слыша о Союзномъ Совѣтѣ, объ его власти, они колеблются; профессора должны указать имъ, какъ они смотрятъ на этотъ Совѣтъ, и такимъ образомъ оберечь отъ его приманокъ. Такъ какъ желаніе, чтобы профессора высказались въ пользу земляществъ, стало овладѣвать собраніемъ, то проф. Алексѣевъ всталъ и напомнилъ, что настоящее положеніе требуетъ, чтобы профессора оказали дружную поддержку ректору, а эта поддержка можетъ состоять только въ томъ, чтобы они искренно и громко заявили, что существованіе Союзнаго Совѣта они считаютъ подрывающимъ основы университетской жизни, не ослабляя силы своего заявленія оговорками о землячествахъ.

Проф. Чупровъ находилъ, что не слѣдуетъ выражать порицанія Союзному Совѣту, или, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ отложить рѣшеніе профессоровъ, ибо: во 1-хъ, порицаніе непременно отягчитъ участь высланныхъ членовъ Совѣта; во 2-хъ, происхожденіе документовъ, прочитанныхъ ректоромъ, сомнительно: документы можно и поддѣлать; въ 3-хъ, неизвѣстно, существуетъ ли дѣйствительно Союзный Совѣтъ, и какова его организациі. Чупровъ забылъ, что В. И. Г . . . самъ засвидѣтельствовалъ, что онъ ѣздилъ въ Совѣтъ.

Это адвокатская рѣчь не вызвала даже возраженій. Профессора А. С. Павловъ и Н. А. Елеонскій ограничились заявленіемъ, что у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ существованіи Союзнаго Совѣта.

Профессоръ М. А. Мензбиръ, съ видомъ обиженной старой дѣвы, заявилъ, что такъ какъ профессора не имѣютъ права участвовать въ управленіи университетомъ, то нечего имъ и высказываться по настоящему дѣлу.

Послѣ всѣхъ этихъ рѣчей возникла нѣкоторая неурядица въ преніяхъ о томъ, ограничиться ли однимъ порицаніемъ Союзному Совѣту, или оговориться относительно землячества. Одни предлагали одно заявленіе съ оговорками, другіе два заявленія: въ одномъ—осужденіе Союзнаго Совѣта, въ другомъ—пожеланіе землячества. На это возражали, что о землячествахъ имъ нужно долго разсуждать, и неизвѣстно къ какому заключенію придутъ многіе профессора. Видя такое колебаніе, ректоръ заявилъ, что профессора могутъ и совсѣмъ не дѣлать никакихъ заявленій; ему лично они не нужны.

Онъ хочетъ только знать, съ какимъ настроеніемъ профессоровъ онъ имѣетъ дѣло. Нѣкоторые предлагали отсрочить рѣшеніе. Ректоръ воспротивился этому. Тогда я предложилъ резолюцію, съ которой всѣ согласились. Она гласитъ почти дословно такъ: „Профессора Московскаго университета, узнавъ въ первый разъ изъ сообщеній ректора о характерѣ Союзнаго Совѣта, заявили слѣдующее: Не касаясь вопроса о землячествахъ, какъ отдѣльныхъ студенческихъ обществахъ для цѣлей благотворительныхъ или образовательныхъ, мы считаемъ вреднымъ и подрывающимъ основы университетской жизни такъ называемый Союзный Совѣтъ землячества, какъ такой тайный союзъ, который имѣетъ притязаніе судить университетскихъ преподавателей, началь-

ство и студентовъ, предписывать имъ образъ дѣйствій и карать за неповиновеніе ему“.

Этотъ документъ тутъ же стали подписывать всѣ профессора. Въ одномъ углу образовалась кучка изъ вожаковъ-петиціонеровъ . . . . они о чемъ-то совѣщались. Но и они, наконецъ, двинулись къ столу, гдѣ подписывались. Алексѣевъ рассказывалъ мнѣ, что послѣднимъ подписался Эрисманъ. Онъ сѣлъ около стола, подпершись рукою и тяжело вздыхая. Друзья ободряли его. Сѣченовъ протянулъ ему перо. Онъ бросилъ его и всталъ; затѣмъ опять подошелъ къ столу и порывисто подписалъ свое имя.

На возвратномъ пути изъ засѣданія проф. Алексѣевъ говорилъ мнѣ: „А нельзя сказать, чтобы у меня послѣ этого собранія было очень весело на душѣ“. Я съ нимъ согласился. Я вынесъ такое впечатлѣніе, что не многіе профессора прониклись убѣжденіемъ въ серьезности положенія. Большинство, повидимому, находило, что всѣ эти приговоры и т. п. акты Союзнаго Совѣта—мальчишескія выходки. Другіе такъ и остались при мысли, что Союзный Совѣтъ есть выраженіе серьезной нужды въ студенческихъ союзахъ. Нѣкоторые больше всего заботились о томъ, чтобы порицаніе профессоровъ не повредило членамъ Союзнаго Совѣта. Едва ли наше заявленіе расчиститъ небо. Но, конечно, какъ первый шагъ къ оздоровленію, оно будетъ имѣть нѣкоторое значеніе: иной профессоръ призадумается надъ вопросомъ о томъ, дѣйствительно ли теперешнее отношеніе профессоровъ къ своимъ обязанностямъ нормально.

Сегодня я слышалъ отъ проф. Алексѣева, что попечитель былъ очень доволенъ результатомъ профессорскаго совѣщанія. Вѣроятно, его удовольствіе связано съ его личными расчетами, а не съ университетскими интересами.

Будетъ любопытно узнать, какія сужденія вызоветъ заявленіе профессоровъ среди публики и студентовъ. Алексѣевъ говорилъ, что ректоръ и помощникъ заняты выработкой объявленія для студентовъ.

5-го января 1895 г. Третьяго дня ко мнѣ заходилъ проф. Виноградовъ три раза. Въ третій разъ онъ засталъ меня дома. Онъ сказалъ мнѣ, что желалъ бы выслушать мнѣніе вліятельныхъ членовъ профессорской коллегіи прежде, чѣмъ просить ректора о собраніи всѣхъ профессоровъ для обсужденія вопроса о признаніи землячества. Онъ про-

силъ меня высказаться, одобряю ли я въ принципѣ дозволеніе студенческихъ союзовъ.

Я ему отвѣтилъ, что рѣшеніе только въ принципѣ было бы пустымъ, потому что всякій профессоръ скажетъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ студенческихъ обществъ, если можно быть увѣреннымъ, что они останутся въ предѣлахъ своихъ уставовъ, не будутъ заниматься политикой и т. д. Но, какъ только отъ такого общаго рѣшенія мы перейдемъ къ конкретнымъ вопросамъ: съ какими цѣлями, въ какой формѣ дозволительны общества, тутъ начнутся разногласія. Поэтому надо начать прямо съ этихъ вопросовъ. Затѣмъ я выразилъ мнѣніе, что для обсужденія и этихъ, болѣе конкретныхъ, вопросовъ слѣдовало бы собрать матерьялъ о землячествахъ, какъ отъ студентовъ, такъ и отъ полицейской власти. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ мы обмѣнялись взглядами. Виноградовъ выражался сдержанно. Видимо, онъ не былъ доволенъ моими оговорками, которыя неизбѣжно должны затянуть рѣшеніе вопроса и сузить его постановку. А ему и его партіи, вѣроятно, всего нужнѣе именно скорѣе двинуть вопросъ, какое бы рѣшеніе онъ ни получилъ, потому что они чувствуютъ себя виновными передъ студентами, которыхъ они обнадеживали, а теперь покинули. Онъ указывалъ, какъ сильна потребность у студентовъ къ образованію: къ нему обратилось нѣсколько человѣкъ съ просьбой руководить ими въ общемъ образованіи; между тѣмъ, еслибъ число охотниковъ увеличилось, онъ не въ состояніи былъ бы удовлетворить ихъ, потому что тогда это вышло бы за предѣлы обычныхъ отношеній между профессоромъ и его слушателями. На это я замѣтилъ ему, что если бы вопросъ шелъ только объ образовательныхъ студенческихъ кружкахъ, то его было бы легче разрѣшить, такъ какъ такіе кружки могли бы естественно образоваться изъ семинарскихъ занятій профессоровъ. Задачи такихъ союзовъ родственны университетскимъ цѣлямъ. Гораздо больше затрудненій представляютъ общества съ матеріальными цѣлями или съ сложными цѣлями, въ родѣ клубовъ, потому что ни профессора, ни инспекція не опыты въ подобныхъ дѣлахъ, да и надзоръ за студентами потребовалъ бы страшной затраты времени. Виноградовъ замѣтилъ, что вовсе нѣтъ надобности привлекать къ этому надзору профессоровъ. Затѣмъ онъ высказалъ мысль, что самыя цѣли должны опредѣляться по указанію студентовъ.

Я ему возразилъ, что это вызвало бы серьезные безпорядки, потому что нужно было бы дозволить студенческія сходки, которыя непременно, и очень скоро, окончатся безпорядками и оторвутъ на

долгое время студентовъ отъ занятій. Мы довольно долго спорили. Ви-ноградовъ, уходя сказалъ, что во всякомъ случаѣ онъ радъ, что знаетъ à quoi s'en tenir, и что всегда хорошо услышать откровенное мнѣніе. Я его увѣрилъ, что отъ меня онъ всегда услышитъ его . . . . .

Только что онъ ушелъ, явились ко мнѣ два студента въ то время, когда я уже надѣвалъ шубу, чтобы уѣзжать.—„Что вы, господа?“—„Поговорить о нашихъ дѣлахъ“.—„Вы депутаты? Можетъ быть, отъ Союзнаго Совѣта?“—„Мы отъ товарищей“.—„Если вы депутаты, то я съ вами разговаривать не могу“. На это они мнѣ замѣтили: „Если вы боитесь, что ваше имя будетъ упомянуто, то мы общаемся не упоминать его“.—„Я, конечно, этого не боюсь; а я считаю противнымъ нравственному долгу профессора сноситься съ депутатами Союзнаго Совѣта“.—„Но что же намъ дѣлать? Мы находимся въ неизвѣстности относительно положенія дѣла“.—„Если вы хотите слышать отъ меня совѣтъ, то это я могу сдѣлать. Вы знаете постановленіе профессоровъ?“ Они увѣрили меня, что знаютъ только слухи. Я тогда передалъ имъ содержаніе профессорскаго заявленія. Тогда одинъ изъ нихъ сталъ доказывать, что Союзный Совѣтъ оказываетъ большую пользу университету, поддерживая спокойствіе среди студентовъ; въ доказательство привелъ случай, когда ко мнѣ ворвались студенты на лекцію: по ихъ словамъ, сторонники Совѣта протестовали противъ этого нарушенія. Далѣе они говорили: „Если не будетъ Совѣта, то что же будетъ со спокойствіемъ въ университетѣ?“ Когда я имъ указывалъ, что они не только хлопчуть о спокойствіи, но и сами учиняютъ безпорядки и даже присвоиваютъ себѣ право судить профессоровъ, то они возражали, что дѣлаютъ это въ случаяхъ нарушенія самыхъ элементарныхъ требованій нравственности. Такъ какъ мнѣ нужно было уѣзжать, то я сказалъ имъ, что для *совѣта* имъ я готовъ ихъ принять завтра въ 12 ч. дня.

При прощаніи я посовѣтовалъ имъ во всякомъ случаѣ распустить свой Совѣтъ, иначе—ихъ, навѣрное, вскорѣ куда-нибудь вышлютъ.

На другой день они ко мнѣ не явились, какъ, впрочемъ, я и ожидалъ.

6-ю Января 1895 г. Особенно новаго не случилось ничего. Видѣлся съ ректоромъ, Звѣревымъ и Алексѣевымъ. Ректоръ рассказалъ, что при поздравленіи на Новый Годъ Великій Князь сказалъ ему: „Поз-

дравляю васъ во всѣхъ оношеніяхъ; очень радъ“. Профессоръ Лопатинъ разсказалъ ему, что во время совѣщанія профессоровъ-филологовъ въ квартирѣ Виноградова наканунѣ общаго собранія профессоровъ, Г . . . . сказалъ: „Если меня очень припрутъ завтра, то я скажу при всѣхъ, что я ѣздилъ въ Союзный Совѣтъ по порученію попечителя“. Это, конечно, только подтверждаетъ лишній разъ предположеніе, что попечитель, если не руководилъ петиціонерами, то хорошо зналъ, что они затѣваютъ.

Говорятъ, что комиссія, разбиравшая основанія высылки студентовъ, признала возможность вернуть теперь же трехъ человѣкъ, осенью еще пятерыхъ; нѣкоторымъ дозволить теперь же поступить въ другіе университеты, но не въ Московскій, а человѣкамъ 16-ти—никогда и ни въ одинъ университетъ. Изъ другого источника я слышалъ, что послѣдніе обвиняются въ участіи въ покушеніи, которое готовилось на Смоленской ж. д. прошлой осенью.

Вчера я былъ у Митропольскаго. Онъ мнѣ разсказалъ, что на этихъ дняхъ будетъ собраніе нѣкоторыхъ профессоровъ-медиковъ въ трактирѣ, какъ это у нихъ бывало не разъ для обсужденія факультетскихъ дѣлъ. Но теперь тамъ будетъ Виноградовъ читать какую-то записку, и будетъ приглашенъ Г . . . .

Сегодня получилъ циркулярное письмо попечителя съ приложеніемъ копіи краткаго отзыва о петиціи, представленнаго Генераль-Губернатору, и подробнаго представленнаго министру. Въ этомъ отзывѣ дѣлается разборъ и оцѣнка петиціи: оцѣнка очень суровая; заканчивается она заявленіемъ, что тѣ петиціонеры, которые сознательно поддерживали петицію, въ случаѣ будущихъ беспорядковъ, будутъ отчасти нести на себѣ вину за нихъ. Написанъ отзывъ рѣзко и мѣтко.

Удивительно какой талантъ у этого человѣка говорить съ одинаковымъ краснорѣчіемъ въ двухъ разныхъ смыслахъ! Этотъ отзывъ я прилагаю ниже. (см. II приложеніе).

7-ю Января 1895 г. Отъ Звѣрева я слышалъ сегодня, что отъ попечителя, изъ Петербурга, куда онъ былъ вызванъ, получено письмо. Во первыхъ онъ пишетъ, что объявленіе къ студентамъ о заявленіи профессоровъ надо приостановить. Что-то министру въ немъ не правится; кажется, то, что тамъ сдѣлана оговорка относительно землечествъ. Во вторыхъ, по словамъ Капниста, министръ относится къ

нашимъ событіямъ покойно, покойнѣе даже, чѣмъ желательно. Въ третьихъ, еще до его прїѣзда министръ докладывалъ Государю, и Тотъ выразилъ желаніе, чтобы ректоръ и помощникъ остались въ должности.

Члены Союзнаго Совѣта ходятъ по профессорамъ, и Звѣревъ увѣряетъ, что они допрашиваютъ, что было на собраніи профессоровъ, дѣйствительно ли было оказано давленіе на петиціонеровъ, чтобы принудить ихъ къ подписи.

Этотъ слухъ о давленіи распускаютъ сами профессора,—очевидно, съ цѣлью оправдать себя отъ обвиненія въ двуличности.

9-ю Января. Вчера у меня былъ Митропольскій, а сегодня, по приглашенію ректора, я видѣлся съ нимъ и Звѣревымъ, который вернулся отъ профессора Огнева, гдѣ было собрано нѣсколько петиціонеровъ . . . . . Тутъ я узналъ слѣдующее.

Во первыхъ, попечитель написалъ ректору, что по докладу министра Государь выразилъ желаніе, чтобы ректоръ и помощникъ его остались въ должностяхъ. Ректоръ совѣтовался, что ему дѣлать.

Я ему посоветовалъ написать министру, что положеніе его, въ виду настроенія нѣкоторой части студентовъ и профессоровъ, безвыходно, и что поѣтому онъ, хотя и остается въ должности, повинуюсь волѣ Государя, однако не можетъ отвѣчать за управление университетомъ такъ, какъ этого требуетъ уставъ университетскій. Ректоръ, повидимому, послѣдуетъ этому совѣту. Затѣмъ, онъ думаетъ, что при свиданіи съ Великимъ Княземъ, которое состоится завтра, онъ, можетъ быть, и ему опишетъ свое затруднительное положеніе и, можетъ быть, даже укажетъ на причины его, лежація въ прошломъ.

Во-вторыхъ, въ лагерѣ петиціонеровъ идутъ раздоры. Они начали опять собираться. Дня три тому назадъ было собраніе у Остроумова. Предметомъ сужденія былъ отвѣтъ на вышеупомянутый циркуляръ попечителя. По этому поводу было высказано много упрековъ Г . . . . . Его упрекалъ Тимирязевъ за то, что Г . . . . . ничего не сказалъ ему о своихъ сношеніяхъ съ Союзнымъ Совѣтомъ. —„Если бы Великій Князь, когда мы подносили ему петицію, спросилъ меня, знаемъ ли мы о Союзномъ Совѣтѣ“, говорилъ Тимирязевъ,

„я бы искренно увѣрялъ, что нѣтъ, а между тѣмъ нѣкоторые изъ насъ даже сносились съ нимъ!“ Другіе его упрекали за то, что онъ произвольно измѣнилъ принятую редакцію петиціи и письма къ ректору.

Для отвѣта на циркуляръ попечителя избрана коммиссія изъ К. . . ., Сѣченова и еще кого-то. Г. . . . устраненъ и отъ редакціи, и отъ предсѣдательства, которое предоставлено Сѣченову. Въ этомъ собраніи участвуетъ и Столѣтовъ.

На нынѣшнемъ совѣщаніи у Огнева рѣчь шла о томъ, ѣхать ли на второе собраніе къ Остроумову, назначенное на нынѣшній день, и если ѣхать, то чего держаться. Звѣревъ выразилъ имъ мысль, что единственное заявленіе, которое они могутъ сдѣлать, сохраняя достоинство, заключается въ слѣдующемъ: „Можетъ быть, мы ошибались, но во всякомъ случаѣ наше отношеніе къ Союзному Совѣту мы совершенно искренно выразили въ извѣстномъ заявленіи всѣхъ профессоровъ“. Кажется, его слушатели согласились съ его мнѣніемъ.

И Митропольскій и Звѣревъ говорили мнѣ, что . . . . . сталъ говорить совсѣмъ въ другомъ тонѣ. Звѣревъ справедливо замѣчаетъ, что многіе изъ петиціонеровъ послѣ попечительскаго циркуляра измѣняютъ свой тонъ отъ страха за свою шкуру.

Да, еслибы графъ Капнистъ въ теченіе 14 лѣтъ своего попечительства держалъ себя, какъ настоящій начальникъ, требуя отъ каждаго профессора, чтобы онъ добросовѣстно исполнялъ свой долгъ, то мы не дожили бы до такой деморализаціи.

Ректоръ передавалъ сегодня, что, по его свѣдѣніямъ, студенты (вѣроятно, члены Союзнаго Совѣта) грозятъ Г. . . . побоями! Мои предсказанія, пожалуй, сбудутся скорѣе, чѣмъ я ожидалъ. Нѣкоторымъ другимъ профессорамъ они собираются „выспать“. На ихъ жаргонѣ, говорить ректоръ, это значитъ свистъ.

10-ю Января. 1895 г. Сегодня ректоръ читалъ нѣкоторымъ изъ насъ письмо попечителя. Изъ него видно, что въ Петербургѣ было совѣщаніе министровъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ, попечителя Московск. Учебн. Округа, товарища министра Внутр. Дѣлъ, директора департамента Полиціи, Аничкова (Н. М.), Любимова (Н. А.) и Архипова (И. П.). Разсматривали объявленіе, составленное ректоромъ. Не видно, что имъ не понравилось въ немъ. Можно

догадываться, что одно мѣсто во всякомъ случаѣ они находили неудобнымъ, именно то, гдѣ ректоръ обѣщаетъ настоящему составу Союзнаго Совѣта безнаказанность, если онъ разоидется. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сказалъ, что въ этомъ составѣ есть нѣсколько замѣшанныхъ въ политическихъ дѣлахъ, стоящихъ, однако, въ связи съ Союзнымъ Совѣтомъ, а потому обѣщать имъ безнаказанность нельзя. Въ этомъ министерскомъ совѣщаніи выработанъ новый проектъ объявленія къ студентамъ, по содержанию сходный съ ректорскимъ,—понятно, безъ упомянутого обѣщанія, но написанный въ канцелярскомъ стилѣ. Ректоръ не хочетъ вывѣшивать его отъ своего имени и собирается телеграфировать попечителю, что онъ готовъ выбросить изъ своего проекта помянутое обѣщаніе безнаказанности.

Я не могъ оставаться долѣе у ректора, потому, что спѣшилъ на свиданіе съ Никитой*). Выходя, я встрѣтилъ Огнева, бывшего вчера на собраніи у Остроумова. Онъ коротко рассказалъ мнѣ о происшедшемъ тамъ. Очевидно, вожаки настаивали, чтобы присутствующіе дали имъ полномочіе сноситься съ министромъ и давать ему объясненія. Огневъ, Лопатинъ, Митропольскій заподозрили, что тутъ есть что-то, чего не договариваютъ. Они заявили, что находятъ нужнымъ относиться только къ попечителю, именно—кратко, прямо отвѣтить на его циркуляръ, и спрашивали, чего хотятъ другіе, предлагая обратиться къ министру. Тогда Столѣтовъ представилъ проектъ длинной записки, содержания которой, однако, Огневъ не могъ мнѣ передать. Онъ сказалъ только, что она представляла рядъ ядовитыхъ хитросплетеній, которымъ большинство апплодировало, называя ихъ остроумными и строго логическими. Между прочимъ, по его словамъ, тамъ Столѣтовъ хотѣлъ свести счеты и съ ректоромъ: онъ старался поставить его на одну доску съ попечителемъ. Лопатинъ замѣтилъ ему это и сказалъ, что они, подписывая петицію имѣли въ виду дѣйствовать противъ попечителя, но не противъ ректора. Духовской, стоявшій за предложеніе Столѣтова, предложилъ меньшинству высказать свое мнѣніе, на что Огневъ отвѣтилъ, что они не желаютъ поручать другимъ говорить за себя, хотятъ сами говорить за себя и желаютъ дать попечителю краткій отвѣтъ на его обвиненіе противъ петиционеровъ. Тогда Огнева и его единомышленниковъ стали обвинять въ томъ, что они терроризируютъ остальныхъ (т.-е. трое всѣхъ остальныхъ, которыхъ было не менѣе 17-ти!).

---

*) Князь Никита Александровичъ Ливень, братъ жены Н. П. Боголѣнова.

Огневъ на это сказалъ, что они отказываются отъ подписи Столѣтовскаго проекта. Тогда Остроумовъ всталъ и заперъ дверь на ключъ. Это взбѣсило Огнева, и онъ крикнулъ, что ихъ противники могутъ дѣлать, что угодно, но они подписей своихъ не дадутъ. Тогда Остроумовъ сказалъ, что „онъ пошутилъ“.

Любопытно будетъ провѣрить и пополнить этотъ рассказъ.

Мы собираемся въ Татьянинъ день устроить обѣдъ только изъ единомышленныхъ членовъ факультета. Въ прежніе годы мы стѣснялись избѣгать нашихъ либераловъ, но теперь рѣшили бросить эту напрасную учтивость и не звать какъ открытыхъ противниковъ. . . . . такъ и шатуновъ . . . . .

11 Января. Сейчасъ ко мнѣ заходилъ Анучинъ. Онъ мнѣ сначала не выяснилъ цѣли своего визита.

Впослѣдствіи онъ сказалъ, будто пришелъ узнать отъ человѣка, хотя и противоположныхъ убѣжденій, но честнаго,—каково мое мнѣніе о попечительскомъ циркулярѣ. Я думаю, что настоящая цѣль его была вывѣдать, нѣтъ ли чего-нибудь новенькаго, полезнаго для ихъ партіи. У насъ зашелъ споръ по разнымъ предметамъ, изъ которыхъ отмѣчу нѣкоторые.

Въ 1-хъ, онъ считаетъ циркуляръ попечителя оскорбленіемъ петиціонеровъ и обвиненіемъ противъ нихъ. А противъ обвиненія нужно оправданіе.

Я спросилъ: въ чемъ же будетъ оправданіе? Онъ только въ видѣ примѣра привелъ одно оправданіе (я увѣренъ, что оно взято изъ Столѣтовской записки), а именно: попечитель говоритъ, что петиціонеры съ просьбой о пересмотрѣ дѣла о высылкѣ студентовъ могли бы обратиться къ ихъ прямому начальству. „Но мы“, говоритъ Анучинъ, „совсѣмъ не имѣли права просить о пересмотрѣ, потому что такая просьба предполагаетъ, что мы знаемъ обстоятельства дѣла, а мы ихъ совсѣмъ не знали. Мы просили о *помилованіи*“. Этотъ крючокъ, навѣрное, изобрѣлъ Столѣтовъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ вставилъ его въ свою записку. Можетъ быть, внушилъ ему эту мысль Духовской.

Во 2-хъ, на мой вопросъ, что рѣшено на собраніи у Остроумова, онъ отвѣтилъ, что многіе струсили и совсѣмъ на это собраніе не пришли, а у пришедшихъ возникло разногласіе.

Въ 3-хъ. Между прочимъ, Анучинъ высказалъ мысль, что многіе профессора обижены моимъ замѣчаніемъ, что въ настоящей студенческой исторіи виноваты профессора. Я ему еще разъ пояснилъ мысль, которую развивалъ въ общемъ профессорскомъ собраніи 29-го Декабря. Профессора такъ же, какъ и значительная часть такъ называемаго образованнаго общества, воспитываютъ въ молодомъ поколѣніи, говоря коротко, революціонный духъ, но не тѣмъ, что они проповѣдуютъ такъ называемыя либеральныя идеи, а тѣмъ, что къ учрежденіямъ имъ не симпатичнымъ они относятся не съ объективной критикой, а съ раздраженіемъ; они возбуждаютъ въ молодыхъ людяхъ ненависть къ этимъ учрежденіямъ, побуждаютъ ихъ топтать законы, а не стремиться правильнымъ путемъ къ ихъ преобразованію. Я признаю совершенно естественными оба теченія общественныхъ симпатій—и либеральное и консервативное; но я считаю пагубными, революціонными—манеры, приемы, съ помощью которыхъ пропагандируется извѣстное направленіе. На это Анучинъ возражалъ мнѣ; что и въ другихъ странахъ было то же самое (я замѣтилъ, что дурному примѣру нечего слѣдовать), что большая или меньшая страстность въ борьбѣ есть дѣло темперамента, и что профессора имѣютъ сравнительно мало случаевъ вліять на студентовъ въ смыслѣ, указываемомъ мною . . . . .

Въ 4-хъ. Когда я предсказывалъ снова, что теперешнее состояніе приведетъ къ насиліямъ со стороны студентовъ, и сослался на слухъ о намѣреніи бить Г . . . . , то онъ считалъ это невѣроятнымъ, видѣлъ въ этомъ мое личное увлеченіе и въ заключеніе сказалъ: „Ну, что же, если бы дѣйствительно дѣло дошло до насилій, такъ развѣ уже власть совсѣмъ ослабла! Вѣдь, тогда можно принять противъ нихъ мѣры“. На это я замѣтилъ: „Т. е. тѣ самыя полицейскія мѣры, за которыя вы теперь осуждаете университетское начальство?“

Онъ ушелъ отъ меня очень недовольный. Послѣ его визита я былъ у ректора въ университетѣ и прочелъ письмо попечителя изъ Петербурга. Попечитель *умоляетъ* Некрасова подписать объявленіе къ студентамъ, составленное у министра; онъ говоритъ, что отказъ Некрасова поставитъ его въ крайнее затрудненіе, что онъ съ величайшими усиліями добился согласія гр. Делянова и на это-то объявленіе (оговорка профессоровъ относительно землячества казалась ему косвеннымъ признаніемъ ихъ).

Некрасовъ рѣшился подписать его, сдѣлавъ небольшія стилистическія измѣненія.

Вчера ректоръ былъ у Великаго Князя и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы изложить ему истинное положеніе дѣлъ, причемъ указалъ и на то, что теперешняя распатанность студенческой дисциплины есть слѣдствіе не только распущенности профессоровъ, но и въ значительной степени дѣло бывшаго инспектора Доброва (С. В.), который, ища популярности, мирволилъ всѣмъ незаконнымъ стремленіямъ студентовъ организоваться въ союзы. Великій Князь былъ видимо удивленъ этими и другими открытіями и сказалъ, что университетское дѣло представляется ему въ новомъ свѣтѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что попечитель не открылъ ему этой стороны.

19-го Января 1895 г.—12 Января, Татьянинъ день, я провелъ за обѣдомъ съ ближайшими товарищами по юридическому, факультету, т.-е. со всѣми, кромѣ Чупрова, ... Духовского и Гамбарова. Кромѣ юристовъ, присутствовали: Некрасовъ (ректоръ), естественники Тихомировъ Александръ и Зографъ, докторъ Корниловъ, въ домѣ котораго былъ устроенъ обѣдъ, и его тестъ старикъ.

Событія послѣднихъ недѣль давали обильную пищу для разговора, а единомысленный составъ компаніи придавалъ бесѣдѣ непринужденность. Это дало возможность сговориться относительно нѣкоторыхъ университетскихъ вопросовъ, которые могутъ вскорѣ сдѣлаться предметомъ общепрофессорскаго обсужденія. Домой мы пошли только въ 12-мъ часу ночи.

Съ 12-го января по нынѣшній день произошли кое-какія событія. Болѣе важное изъ нихъ то, что петиціонеры наконецъ выработали свои возраженія на „замѣчанія“ попечителя. Подъ этимъ документомъ подписалось 24 профессора; 9 человекъ (Огневъ, Митропольскій, Лопатинъ, К. . . ., Ш. . . . и еще кто-то) составляли свое отдѣльное возраженіе. Содержаніе того и другого документа передать трудно, потому что въ нихъ нѣтъ какой-нибудь руководящей мысли. Они состоятъ въ отрывочныхъ замѣчаніяхъ на отдѣльные пункты попечительскаго циркуляра, при чемъ замѣчанія 24-хъ профессоровъ отличаются тѣмъ же характеромъ, какъ и петиція (говорятъ, что авторами ихъ были тѣ же Г . . . . и Столѣтовъ), т.-е. тамъ есть немножко лжи (напр., тамъ утверждаютъ, что петиціонеры не знали до 29-го Декабря о Союзномъ Совѣтѣ!) и много каверзъ, желаніе поймать попечителя на словахъ и истолковать слова петиціи въ благопріятномъ смыслѣ; напр., тамъ стараются доказать, что единственной цѣлью петиціи было испросить помилованіе высланнымъ студентамъ, а что

всѣ остальные разсужденія (о произволѣ полиціи и недостаткахъ университетскаго суда) были только приведены, какъ мотивы къ этому ходатайству.

Чтеніе самой петиціи можетъ служить повѣркой, въ какой степени искренно такое заявленіе (см. I приложение). Оно же можетъ показать и искренность другого заявленія,—будто петиціонеры просили только о помилованіи, а не о пересмотрѣ рѣшенія полиціи, ибо они, не зная обстоятельства дѣла, не могли судить и о правильности рѣшенія: въ петиціи именно доказывается неправильность, чрезмѣрная строгость полицейской мѣры. Я надѣюсь добыть копію съ этого заявленія 24-хъ профессоровъ. Первоначальная редакція заявленія 9-ти профессоровъ, въ существѣ сходная съ окончатальной, прилагается здѣсь (см. приложение III). Ее составилъ профессоръ К. . . .

24 профессора отправили свое заявленіе министру, а попечителю послали копію. 9-ть профессоровъ свое заявленіе адресуютъ прямо попечителю и, кажется, хотятъ послать по возвращеніи попечителя изъ Петербурга.

Ректоръ и помощникъ его получили официальные письма отъ министра, который, высказывая по ихъ адресу много лестнаго, увѣдомляетъ ихъ, что Государь выразилъ желаніе, чтобы они оба остались на своихъ мѣстахъ, и что при настоящихъ обстоятельствахъ желаніе это есть приказаніе.

Почти одновременно отъ министра получены еще двѣ бумаги. Въ одной онъ приказываетъ вывѣсить студентамъ объявленіе, въ которомъ студенты предостерегаются отъ увлеченій агитаторовъ, которые приглашаютъ всѣхъ учащихся подписываться подъ ходатайствомъ на Высочайшее имя объ измѣненіи дѣйствующихъ уставовъ.

Объявленіе говоритъ, что многіе изъ агитаторовъ уже арестованы. что никакая петиція принята не будетъ, „такъ какъ законы составляются и измѣняются не по соображеніямъ учащейся молодежи, а лишь по указаніямъ Верховной Власти“. При этомъ министръ возлагаетъ надежду на благоразуміе огромнаго большинства студентовъ, несомнѣнно понимающихъ, что они поступили въ высшее учебное заведеніе не для измѣненія его строя, а для ученія и расширенія своихъ знаній“.

Другая бумага (конфиденціальная) сообщаетъ начальникамъ высшихъ учебныхъ заведеній, что въ 1895 г. (кажется, въ началѣ его) предполагается съѣздъ депутатовъ отъ разныхъ учебныхъ заведеній съ цѣлью обсужденія разныхъ вопросовъ, которые будутъ выработаны на собраніяхъ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній.

Попечитель все еще остается въ Петербургѣ. Первое время онъ бомбардировалъ ректора письмами и телеграммами. Последняя телеграмма увѣдомляла, что 25-го Января онъ будетъ представляться Государю и до тѣхъ поръ не можетъ вернуться; въ крайнемъ случаѣ онъ, конечно, вернется, но ему бы этого очень не хотѣлось. Затѣмъ онъ прибавляетъ, что *для университетскія идутъ удовлетворительно*. Некрасовъ понимаетъ это такъ, что и попечителю и министру хочется все замазать, т.-е. не принимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. И это весьма вѣроятно.

А это будетъ началомъ новаго броженія или, вѣрнѣе, поддержка прежняго. Предательская, вѣчно колеблющаяся политика гр. Калниста развратила и профессоровъ, и студентовъ, и инспекцію. Я слышалъ отъ Митропольскаго, а Митропольскій отъ студента, что въ землячествахъ членами состоятъ многіе привать-доценты; студентъ говорилъ, что въ Ярославскомъ землячествѣ состоятъ въ настоящее время двое; одного онъ называлъ: это Коноваловъ, химикъ. Про Милюкова это всѣмъ извѣстно, относительно Вернадскаго (минералога) это едва ли подлежитъ сомнѣнію (полиція сообщила попечителю, что онъ одинъ изъ тѣхъ профессоровъ, которые агитируютъ среди студентовъ). Попечитель могъ бы принять строгія мѣры противъ такихъ привать-доцентовъ.

Звѣреву рассказывалъ знакомый студентъ, что въ землячествахъ принимаютъ участіе и женщины, и гимназисты.

Мнѣ былъ присланъ 12 Января пакетъ, въ которомъ оказалось письмо Союзнаго Совѣта отъ 28 Декабря 1894 г. Въ этомъ длинномъ письмѣ излагаются послѣднія событія, по увѣренію автора, съ возможною объективностью, въ дѣйствительности же—въ извращенномъ видѣ. Этому описанію предпосылается очеркъ возникновенія земляческой организаціи и ея задачъ. Изъ него, между прочимъ, видно, что вожаки этой организаціи стремятся поставить ее, какъ можно шире, и захватить не только Московскій Университетъ, но и прочіе университеты. Съ этою цѣлью уже было два съѣзда депутатовъ со

всѣхъ университетовъ, гдѣ обсуждался вопросъ объ объединеніи всѣхъ студентовъ.

Рѣчь Императора къ депутаціямъ, которымъ онъ заявилъ, что будетъ охранять самодержавіе, вѣроятно, окажетъ свое дѣйствіе и на студенческія дѣла, и на профессорскія.

20 Января 1895 г. Профессоръ Павловъ (А. С.) говорилъ мнѣ, что онъ слышалъ отъ Успенскаго, директора археологическаго института въ Константинополь, видѣвшаго на дняхъ Делянова, о томъ, какъ былъ принятъ Г. . . . министромъ. Г. . . . сталъ ему говорить, что петиціонеры собираются представить ему объясненія на замѣчанія попечителя. А Деляновъ ему на это сказалъ: „Какія объясненія! Вы постарайтесь, чтобы мы о вашемъ дѣлѣ скорѣй забыли“.

25 Января 1895 г. Прошлую субботу, т.-е. 21 Января, послѣ засѣданія Совѣта, ректоръ опять предложилъ профессорамъ остаться, чтобы выслушать нѣкоторые вновь полученные документы, изданные Союзн. Совѣтомъ. Онъ прочелъ письмо Союзн. Совѣта къ обществу отъ 28 Декабря 1894 г., которое было послано мнѣ въ пакетѣ, и которое я передалъ ему. О его содержаніи я уже сказалъ выше. Затѣмъ было прочитано другое письмо къ обществу отъ 1 Января. Оно въ копіи приложено къ моимъ бумагамъ. Въ немъ дается отчетъ о событіяхъ, еще не описанныхъ въ письмѣ отъ 28 Декабря. Ничего особенно замѣчательнаго это письмо не представляетъ. Затѣмъ шло письмо Союзн. Совѣта отъ 5 Января 1895 г. Въ этомъ длинномъ письмѣ излагаются цѣли Союзной Организациі. и описывается, чего уже успѣла достигнуть эта Организациія. Оно является несомнѣннымъ отвѣтомъ на постановленіе профессоровъ, сдѣланное 29 Декабря, и на рѣчи, которыя тамъ произносились. Здѣсь прежде всего подробно описывается самая *Союзная Организациія*. Она составляется изъ землячествъ; въ настоящее время, по ихъ словамъ, въ Организациі участвуетъ 43 землячества съ численнымъ составомъ въ 1700 человекъ (число, безъ сомнѣнія, очень преувеличено). Объединеніе выражается въ двухъ учрежденіяхъ—Союзномъ Совѣтѣ и Судебной Комиссіи. Въ томъ и другой представители отъ всѣхъ землячествъ. Въ важныхъ случаяхъ рѣшеніе вопроса предлагается всей Организациі. Не видно, какъ это осуществляется. Изъ протокола Союзнаго Совѣта отъ 24 Октября 1894 г., полученнаго мною вчера въ копіи, можно заключить, что представители землячествъ опрашиваютъ своихъ земляковъ и считаютъ

голоса. Опять не видно, какъ это удавалось дѣлать, въ виду многочисленности нѣкоторыхъ землячествъ.

Перечисляя задачи Организациі, письмо отчасти повторяетъ то, что было описано ранѣе: содѣйствіе умственному, нравственному образованію, *подготовленіе къ общественной дѣятельности*. Говоря о судѣ надъ товарищами, письмо увѣряетъ, что это судъ мягкій, лишень всякихъ насилій и давленій (въ предпрошломъ году этотъ судъ предложилъ выйти изъ университета студенту Минаеву, участвовавшему въ кражѣ пальто, а когда онъ не подчинился этому приговору, Союзный Совѣтъ донесъ на него инспекціи, послѣ чего Минаевъ былъ судимъ въ правленіи и исключенъ). Союзн. Совѣтъ въ этомъ письмѣ рѣшительно отрицаетъ претензію судить профессоровъ (отвѣтъ на профессорское заявленіе). Случаи же Янжула, Кузьмина и Владимірова онъ называетъ *исключительными, и притомъ тутъ не было суда, а студенчество, черезъ Судебную Комиссію, высказало свое мнѣніе о поведеніи этихъ профессоровъ*. При этомъ не объяснено, какъ считать угрозу Владимірову и запретъ читать лекціи—за мнѣніе или за кару. Любопытно мѣсто, гдѣ письмо 5 Января говоритъ о просвѣтительныхъ цѣляхъ Союзной Организациі. Задача университета, говорится тамъ, не въ томъ, чтобы создавать специалистовъ-докторовъ, юристовъ и т. д., а чтобы давать общее образованіе. Послѣ университетскаго Устава 1884 г. университетъ исполнилъ эту задачу очень плохо, а потому Союзная Организациа взяла ее на себя.

Эти строки возбудили въ присутствовавшихъ профессорахъ смѣхъ. Только нѣкоторые изъ нихъ остались съ серьезными, даже пасмурными лицами, какъ Виноградовъ, Миллеръ (я думаю, они отчасти были вдохновителями письма Союзнаго Совѣта). Вообще же все письмо отъ 5 Января описываетъ пребываніе въ Союзной Организациі, какъ нѣчто идиллическое: студенты тамъ пріучаются къ свободной дѣятельности ума, придавленной въ гимназіяхъ, укрѣпляются въ нравственности, пріучаются къ общественной дѣятельности, участвуютъ въ кружкахъ саморазвитія, пользуются земляческими библіотеками, которыя открываютъ для нихъ цѣнные и рѣдко доступныя (?) книги; и вообще—столкновеніе въ кружкахъ, между разными классами, возрастами и убѣжденіями, дѣйствуетъ чрезвычайно благотворно на молодыхъ людей. Письмо Союза повторяетъ, что Союзная Организациа устраниваетъ всякіе политическіе вопросы. Она стремится предотвращать студенческіе беспорядки, и въ письмѣ прямо выражается опасеніе за судьбы университета, если Союзная Организациа будетъ распущена, и студенчество

обратится въ неорганизованную массу. Если въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ не было безпорядковъ, то единственно благодаря этой Организациі.

Это самовосхваленіе рассчитано на наивныхъ и легковѣрныхъ студентовъ и публику. Лживость увѣреній, что Союзная Организациія не судить профессоровъ, очевидна послѣ того, какъ стали извѣстны приговоры надъ Янжуломъ и особенно Владимировымъ. Принципіальное исключеніе безпорядковъ опровергается тѣмъ, что даже въ своемъ воззваніи къ студентамъ передъ профессорской петиціей самъ Союзъ. Совѣтъ грозитъ „бурными демонстраціями“, если не будутъ возвращены 47 студентовъ, высланныхъ изъ Москвы. Участіе въ политическихъ дѣлахъ очень хорошо доказывается однимъ документомъ, о которомъ я скажу ниже (протоколъ Союзнаго Совѣта отъ 24 Окт. 1894 г.).

Нечего говорить о претензіи Союзн. Совѣта стать руководителемъ умственнаго образованія студентовъ. Это, конечно, смѣшная претензія, и едва ли сами студенты дошли бы до такого самомнѣнія. Я увѣренъ, что это внушено ихъ взрослыми руководителями. Одинъ изъ нихъ проглядываетъ между строкъ въ письмѣ отъ 5 Января. Тамъ между прочимъ говорится, что Союзный Совѣтъ взялъ на себя роль регулятора чтенія: онъ составляетъ программы для систематическаго чтенія, рекомендуетъ книги; это та самая дѣятельность, которую открыто ведетъ приватъ-доцентъ Милуковъ, который также издаетъ программы и указатели книгъ для систематическаго чтенія.

Не студенты, конечно, выдумали и мысль, что Уставъ 1884 г. мѣшаетъ общеобразовательному значенію университета. Эта обычная жалоба многихъ профессоровъ, дѣйствовавшихъ при Уставѣ 1863 г., и молодыхъ профессоровъ, которые его уже не застали и, въ сущности, не знаютъ. Студенты, конечно, и въ глаза не видали этого Устава. Нечего и говорить, что Уставъ 1884 года ни въ чемъ не измѣнилъ назначенія университета. При обоихъ уставахъ университетъ имѣлъ цѣлью выпускать не ремесленниковъ, а *научно-образованныхъ* специалистовъ: университетъ тѣмъ только отличается отъ другихъ высшихъ школъ, что онъ не имѣетъ прямой задачей готовить практиковъ. Для общаго образованія у насъ служить только средняя школа—гимназія главнымъ образомъ.

Можетъ быть, это стремленіе къ общему научному образованію имѣетъ и серьезную подкладку. Молодымъ людямъ хочется еще въ

молодые годы пріобрѣсть общее міровоззрѣніе, которое бы служило имъ руководствомъ въ рѣшеніи вопросовъ жизни, особенно нравственныхъ и общественныхъ. Не слѣдуетъ ли предпосылать университету, т.-е. спеціально-научному образованію, еще года два общаго научнаго образованія? Трудно только рѣшить, какіе предметы выбрать для этого, и гдѣ ихъ преподавать. Мнѣ казалось бы возможнымъ въ теченіи двухъ лѣтъ преподавать курсы: физики, химіи, всеобщей и русской исторіи и философіи. Изученіе исторіи и философіи могло бы наполовину быть дѣломъ домашнимъ: ученикъ долженъ былъ бы штудировать нѣсколько книгъ по разнымъ отдѣламъ исторіи и философіи. Профессора должны были бы вести *спеціальные* курсы съ цѣлью на какомъ-нибудь отдѣльномъ вопросѣ показать *приемы* ученаго изслѣдованія. Курсы по химіи и физикѣ можно было бы также предварительно штудировать дома, а затѣмъ прослушать *общіе* курсы, съ опытами и демонстраціями. По химіи, конечно, нужна была бы не очень продолжительная работа въ лабораторіи.

Гдѣ учредить эти курсы? При гимназіяхъ или университетахъ?

Факультетскіе предметы можно было бы сократить и преподавать въ болѣе короткій срокъ.

Послѣдній документъ, прочитанный ректоромъ въ засѣданіи 21 Января, былъ списокъ пожертвованій, поступившихъ въ пользу высланныхъ студентовъ. Въ числѣ жертвователей значатся, кромѣ студентовъ, и гимназисты, и реалисты, и женскія особы.

Чтеніе документовъ было утомительно, и потому никакихъ общихъ сужденій по нимъ не было. Во всякомъ случаѣ на массу профессоровъ они произвели впечатлѣніе.

Въ этомъ же засѣданіи ректоръ объявилъ, что по Высочайшему повелѣнію ему и его помощнику приказано оставаться на своихъ мѣстахъ.

Вчера я получилъ отъ ректора копію съ упомянутаго уже документа. Это протоколъ 7-го засѣданія Союзн. Совѣта отъ 24 Октября 1894 г., то есть 4 дня послѣ смерти Государя Александра III (онъ присланъ изъ Петербурга, т.-е., вѣроятно, изъ Министерства. Въ Москвѣ онъ не былъ извѣстенъ даже Ие . . . . .).

Въ началѣ протокола говорится, что „предсѣдатель предложилъ представителямъ передать мнѣнія землячествъ о томъ, что слѣдуетъ предпринять въ данный моментъ“. Затѣмъ слѣдуютъ краткіе отвѣты, изъ которыхъ я выберу только нѣкоторые, болѣе характерные.

Техники (объ группы)¹⁾—настоящій историческій моментъ удобенъ для подачи правительству отъ учащейся молодежи петиціи, *главное* содержаніе которой должны составлять требованія *политическія*²⁾; общестуденческія же требованія должны вытекать изъ первыхъ, какъ частность.

Тверское землячество:—петиція съ самыми широкими политическими требованіями въ связи со студентами должна быть подана единовременно или вслѣдъ за петиціями земствъ. *Безпорядки* нужны лишь въ случаѣ репрессіи за петицію. *Желательно привлечь профессоровъ*.

Минское землячество:—за общестуденческія требованія (слѣдовательно, не за политическія), но безусловно противъ безпорядковъ.

Такихъ заявленій есть еще нѣсколько, т.-е. требованія ограничить студенческими нуждами и безпорядковъ не допускать.

Курское землячество находитъ:—„студенчество достаточно организовано, чтобы взять на себя инициативу возбужденія общественнаго движенія... *Готово поддержать безпорядки*“.

Рязанское землячество:—„петиція со студенческими требованіями должна быть подана. Въ случаѣ отказа должны быть *безпорядки до послѣдней крайности*. Въ случаѣ возникновенія общественнаго движенія студенты должны поставить свои требованія на второй планъ. Студенческія требованія суть: свобода организаціи, признаніе землячествъ, студенческой судъ, допущеніе женщинъ въ университетъ, амнистія студентамъ, осужденнымъ за политическія преступленія. Ждать практическихъ результатовъ“ (т.-е. отъ петиціи, нѣкоторыя землячества не ждутъ ихъ).

Малороссійское землячество:—„Студенческая петиція должна быть средствомъ для возбужденія общественнаго движенія; если оно начнется,

¹⁾ Значитъ, въ Союзной Организаціи не одни студенты Московскаго университета.

²⁾ Въ своихъ письмахъ Союзн. Совѣтъ увѣряетъ, что онъ исключаетъ политику.

то впередъ должны быть выставлены требованія *политическія*. Въ случаѣ отказа необходимы безпорядки“ и т. д.

„Въ виду того, что землячества высказались не все по заранѣ намѣченнымъ вопросамъ, Союзный Совѣтъ счелъ необходимымъ, для выясненія мнѣнія Союза, снова опросить землячества по слѣдующимъ вопросамъ, предложеннымъ тульскимъ представителемъ“.

Далѣе слѣдуютъ десять вопросовъ, смыслъ которыхъ таковъ: нужно ли ограничиться студенческими требованіями или включить и *политическія*? Нужно ли поддержать требованія *безпорядками*? Къ широкимъ студенческимъ требованіямъ Союзный Совѣтъ причисляетъ: допущеніе женщинъ въ университетъ, уничтоженіе *классовыхъ* (?) и національныхъ перегородокъ, публичность лекцій.

Въ числѣ *текущихъ дѣлъ* значится между прочимъ: „Выслушано сообщеніе о возникновеніи организаціи на Екатерининскихъ (?) курсахъ и желаніе присоединиться къ Союзу“ (вѣроятно, здѣсь подразумеваются фельдшерскіе курсы при Старо-Екатерининской больницѣ).

Сегодня я узналъ отъ Звѣрева, что изъ министерства пришло рѣшеніе: всемъ петиціонерамъ выразить порицаніе за то, что обратились въ чужое вѣдомство и возбудили щекотливые вопросы, въ такое время, когда студенты и безъ того уже были взволнованы, а четверемъ вожакамъ—Г. . . . Э. . . . . О. . . . . и Ч. . . . . сдѣлать выговоръ и предупрежденіе, что въ случаѣ безпорядковъ они будутъ считаться виновниками ихъ.

6-ое Февраля 1895 г. Весеннее полугодіе у насъ идетъ тихо. По-видимому, члены Союзной Организаціи, или вѣрнѣе, вожаки ихъ—боятся проявлять свою дѣятельность; профессора, ихъ сторонники, также. Попечитель вернулся изъ Петербурга съ видомъ довольнымъ. Можетъ быть, это именно только видъ. Первое время онъ ничего не говорилъ о своемъ представленіи молодому Государю. Позднѣе онъ передалъ намъ, что Государь сказалъ ему: „О вашей университетской исторіи я уже слышалъ отъ Великаго Князя (я думаю, попечителю это не очень понравилось). Ну, а каковы ваши виды на будущее?“ Попечитель отвѣтилъ, что возобновеніе безпорядковъ возможно. На это Государь замѣтилъ, что, конечно, противъ виновныхъ слѣдуетъ дѣйствовать рѣшительно, но что нужно стараться, чтобы не пострадали благонамѣренные элементы. Великій Князь (Ген.-Губ.) былъ также у

министра народн. просвѣщенія. Повидимому, онъ даже нарочно ѣздилъ изъ Москвы по университетскому дѣлу. Надо надѣяться, что Государю и министру онъ сказалъ, что зналъ о роли самого попечителя въ этомъ дѣлѣ. Между прочимъ Великій Князь очень сочувственно отзывался о нашемъ ректорѣ, чему я очень радъ, потому что бѣдному Некрасову все-таки теперь приходится очень тяжело. Попечитель увѣряетъ, что Деляновъ долго колебался относительно профессоровъ-петиціонеровъ: то хотѣлъ ихъ увольнять, то совсѣмъ оставить безъ взысканія. Графъ Капнистъ утверждаетъ, будто только по настоянію Великаго Князя графъ Деляновъ рѣшился на вышеуказанную мѣру (т.-е. порицаніе и выговоръ съ предупрежденіемъ). Ректоръ, при свиданіи съ попечителемъ, по возвращеніи этого послѣдняго изъ Петербурга, между прочимъ просилъ его, чтобы онъ оказалъ свое вліяніе на профессоровъ, имѣвшихъ сношеніе съ Союзнымъ Совѣтомъ, именно, чтобы они въ сношеніяхъ со студентами не ослабляли дѣйствія объявленій, вывѣшенныхъ ректоромъ. На это попечитель далъ такой отвѣтъ: „Ну, теперь я съ этими профессорами на ножахъ; поэтому ужъ вы сами говорите съ ними“.—Хороша точка зрѣнія начальника! Какъ съ нимъ вести дѣло въ такія трудныя минуты!

15 Февр. 1895 г. Всѣ эти дни я такъ былъ занятъ, что не могъ записывать своевременно всего, что касалось университетскаго дѣла. Теперь запишу коротко самое важное.

Спокойствіе въ университетѣ продолжается. Лекціи вездѣ идутъ безъ помѣхи. На масленицѣ (въ пятницу) ректоръ былъ вызванъ Ген.-Губернаторомъ. Вел. Князь желалъ слышать отъ него, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ дѣлать съ Союзнымъ Совѣтомъ. Некрасовъ отвѣчалъ, что если полиціи точно извѣстны имена членовъ Совѣта, то съ ними надо поступить рѣшительно: выслать изъ Москвы, но не отрѣзывать возможности вступить съ осени въ другіе университеты. Некрасовъ при этомъ высказалъ мысль, что слѣдовало бы обратить вниманіе и на землячества, которыя будутъ впредь служить источникомъ для образованія новыхъ членовъ Союзнаго Совѣта. . . . .

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Въ это же свиданіе Великій Князь сообщилъ ректору подь секретомъ, что министръ народн. просвѣщенія предполагаетъ лѣтомъ уволить отъ службы въ университетъ четырехъ профессоровъ: Г. . . . Э. . . . . Ч. . . . . и О. . . . . При этомъ Великій Князь спросилъ: „Что же, вы будете заступаться?“ Но ректоръ заступаться не сталъ. Онъ сказалъ, что не считаетъ себя призваннымъ судить объ этомъ, но находитъ, что если начальство признаетъ нужнымъ карать профессоровъ виновныхъ, то оно должно, съ другой стороны, поддерживать тѣхъ профессоровъ, которые исполняютъ свой долгъ добросовѣстно.

На этомъ свиданіи ректоръ высказалъ мысль, что въ числѣ мѣръ въ борьбѣ съ Союзной Организацией было бы очень хорошо опубликовать отъ правительства описаніе фактовъ, которые бы характеризовали эту Организацию въ ея истинномъ свѣтѣ, и даже обнародовать цѣликомъ или въ выдержкахъ нѣкоторые документы, изданные органами Союза. Попечитель также почему-то ухватился за эту мысль очень горячо и обѣщавъ прислать ректору документъ, заключающій въ себѣ секретное донесеніе начальника охраны Бердяева Ген.-Губернатору о тѣхъ дѣйствіяхъ Союзнаго Совѣта и профессоровъ, которыя предшествовали аресту 47 студентовъ по случаю готовившейся петиціи студентовъ.

Для обсужденія формы и содержанія правительственнаго сообщенія, проектъ котораго долженъ былъ составить ректоръ, мы втроемъ (Некрасовъ, Звѣревъ и я) собирались у ректора въ Субботу утромъ на масленицѣ. Попечитель набросалъ программу, которая намъ всею показалась вполне удовлетворительною, почему мы и не останавливались долго на ней. Мы были заняты другимъ. Утромъ этого дня ректоръ видѣлся съ гр. Капнистомъ при осмотрѣ зоологической коллекціи Слюнина. Здѣсь попечитель выразилъ ректору желаніе заняться съ нимъ обсужденіемъ вопроса объ узаконеніи землячествъ и даже предлагалъ ему собрать профессоровъ для обсужденія этого вопроса. Некрасовъ въ первую минуту былъ чрезвычайно удивленъ, что попечитель рѣшается возбуждать этотъ вопросъ въ такое время, когда студенты только что успокоились отъ волненія. Онъ заявилъ Капнисту, что онъ будетъ во всякомъ случаѣ противъ узаконенія. Мы все втроемъ обсуждали, какіе мотивы могутъ быть у попечителя заварить такое рискованное дѣло, которое грозитъ беспорядками не только послѣ узаконенія землячествъ, но и теперь, какъ только студентамъ станетъ

извѣстнымъ, что вопросъ обсуждается. Повидимому, гр. Капнисть видитъ, что кредитъ его у Великаго Князя Сергія Александровича очень упалъ, и надѣется поднять его, начиная дѣло, которому Сергій Александровичъ сочувствуетъ. Некрасовъ рѣшился уговаривать попечителя отложить возбужденіе вопроса, а съ Великимъ Княземъ пока не искать разговора, тѣмъ болѣе, что свой взглядъ онъ ему уже высказалъ, а кромѣ того—Великій Князь знакомъ съ характеромъ землячествъ изъ донесенія Бердяева, о которомъ я упомянулъ выше.

Это донесеніе я прослушалъ у Некрасова съ любопытствомъ. Начинается оно восхваленіемъ землячествъ: они служатъ матеріальной опорой для нуждающихся, даютъ пріютъ и опору молодымъ, неопытнымъ провинціаламъ, пріѣзжающимъ въ большой, чужой городъ, гдѣ у нихъ нѣтъ никого изъ близкихъ людей. Но затѣмъ говорится, что, къ сожалѣнію, землячества вмѣшивались въ дѣла противозаконныя. Дальше описывается, какъ въ 1889 г. съѣхались представители нѣкоторыхъ землячествъ и нѣкоторые *революціонные* дѣятели и рѣшили организовать Союзъ изъ землячествъ; какъ передъ смертью Государя Александра III и послѣ нея этотъ Союзъ поднялъ вопросъ о петиціи студентовъ къ новому Императору о конституціи, какъ вожаки Союзн. Совѣта были предупреждаемы полиціей, чтобы не затѣвать этого дѣла, и какъ полиція вынуждена была арестовать ихъ изъ опасенія, чтобы волненіе, которое они произвели среди молодежи, не разрослось въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ.

Любопытны нѣкоторыя подробности этого донесенія Бердяева. Оно указываетъ, что въ движеніи студентовъ принимали участіе профессора: называетъ онъ только Г. . . . и Г. . . . Про Г. . . . говорится, что послѣ студенческихъ беспорядковъ, вызванныхъ скандаломъ на лекціи Ключевскаго, онъ писалъ Великому Князю Константину Константиновичу письмо, въ которомъ изображалъ въ превратномъ видѣ дѣйствія университетскаго начальства и полиціи относительно студентовъ и просилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Государя. Относительно инцидента съ Ключевскимъ: Союзн. Совѣтъ обсуждалъ поведеніе послѣдняго (его рѣчь о покойномъ Государѣ) и рѣшилъ къ его рѣчи прилѣпить басню фонъ-Визина: „Лисица кознодѣй“.

Экземпляръ ея былъ отнесенъ Ключевскому депутаціей студентовъ (вѣроятно, по назначенію Союзн. Совѣта,—можетъ быть, изъ его членовъ), а затѣмъ другой такой же экземпляръ положенъ къ Ключевскому на кафедру передъ его лекціей.

Въ тотъ же день я узналъ, что привать-доцента Безобразова постигла сильная кара. Нѣсколько недѣль тому назадъ онъ читалъ публичную лекцію въ Историческомъ музеѣ,—кажется, что-то о женщинахъ (онъ всегда читаетъ о женщинахъ). Въ заключеніе лекціи онъ сказалъ какія-то рѣзкія слова. Я не могъ узнать точной редакціи этихъ словъ. Но всѣ передачи сходятся въ томъ, что онъ, предсказывая женщинамъ какое-то свѣтлое будущее, призывалъ молодежь не надѣяться на теперешнихъ пожилыхъ людей, особенно на профессоровъ. Всѣхъ этихъ лицъ онъ дѣлилъ, кажется, на пошляковъ, подлецовъ и холоповъ. Затѣмъ онъ призывалъ молодежь стремиться къ осуществленію, кажется, правъ женщины и идеаловъ просвѣщенія, не взирая на препятствія, и не бояться, что для этого имъ придется жертвовать собою: на ихъ костяхъ возсіяетъ свѣтъ! Эти или подобныя имъ слова многихъ изъ присутствовавшихъ привели въ неописанный восторгъ. Безобразова на рукахъ вынесли изъ аудиторіи, не говоря уже объ аплодисментахъ. Въ то время много говорили объ этой рѣчи. А съ недѣлю тому назадъ пришло рѣшеніе министра народн. просвѣщенія: уволить Безобразова изъ числа привать-доцентовъ и запретить ему педагогическую дѣятельность въ предѣлахъ Россійской имперіи.

Сегодня я узналъ отъ Звѣрева, что такая же участь постигла и привать-доцента Милюкова, который, по всѣмъ разсказамъ, принималъ дѣятельное участіе въ профессорской петиціи и въ дѣйствіяхъ Союзнаго Совѣта. Въ распоряженіи министра народн. просвѣщенія сказано, что Милюковъ увольняется изъ привать-доцентовъ съ воспрещеніемъ ему всякой педагогической дѣятельности и публичныхъ лекцій—*вслѣдствіе его крайней политической неблагонадежности*. Жаль человѣка! Онъ и способный и трудолюбивый. Но съ другой стороны—какъ оставить человѣка учить юношей, когда онъ становится вдохновителемъ тайныхъ студенческихъ обществъ? Кажется, безмѣрное самолюбіе потемнило мысль у Милюкова. Иначе, едва ли бы онъ рѣшился итти на такія отчаянныя дѣла.

Звѣревъ же сообщилъ мнѣ, что Некрасову доставили экземпляръ годового отчета Судебной Коммиссіи за 1893—94 г. Любопытно будетъ взглянуть на этотъ документъ (см. приложение IV).

19-го Февраля назначено освященіе клиники кожныхъ болѣзней. Какъ бы не вышло какихъ-нибудь безпорядковъ, особенно послѣ увольненія Милюкова, котораго называли тайнымъ ректоромъ Союза землячества!

24 Февраля 1895. Нѣсколько дней тому назадъ ректоръ получилъ письмо отъ министра, который въ началѣ письма просить о какомъ-то снисхожденіи для какого-то студента, а затѣмъ выражаетъ удовольствіе, что Великій Князь относится къ Некрасову съ большой симпатіей, и наконецъ выражаетъ надежду, что при свиданіи онъ поговорить о томъ, что предпринять, чтобы выдергать плевелы изъ университета. Некрасовъ не безъ основанія боится, что Деляновъ будетъ съ нимъ говорить о томъ, какихъ профессоровъ слѣдуетъ уволить, а потомъ свалить на него всю отвѣтственность передъ негодующими товарищами.

Послѣ безобразныхъ уличныхъ беспорядковъ въ Петербургѣ здѣшніе студенты, говорятъ, выразили петербургскимъ студентамъ порицаніе. Но тѣ, говорятъ, не остались въ долгу: они прислали имъ сказать, что москвичи глупы, потому что не понимаютъ цѣли петербуржцевъ: они хотѣли сдѣлать опытъ приученія общества къ уличному бунту, и этотъ опытъ имъ удался! Звѣревъ, отъ котораго я это узналъ, справедливо опасается, что этотъ аргументъ покажется московскимъ студентамъ очень уважительнымъ и заставитъ ихъ опять заворшиться. Не только студенты, но и многіе зрѣлые люди нашего образованнаго общества сочувственно отнесутся къ такому толкованію петербургскихъ безобразій.

У насъ теперь съ нѣкоторымъ безпокойствомъ ожидаютъ 8-го Марта, когда будетъ студенческій концертъ. Опасаются, что на немъ сдѣлаютъ какой-нибудь скандалъ попечителю. Но онъ, по уговору ректора, рѣшился не ѣздить на этотъ концертъ.

25 Февраля 1895 г. 19 Февраля было открытіе клиники кожныхъ болѣзней. Этого числа опасались какихъ-нибудь демонстрацій со стороны студентовъ,—по случаю ли 19-го Февраля, или по случаю недавнихъ событій. Но студенты-медики рѣшили провести пассивную демонстрацію: накануне они явились къ проф. Пospѣлову, поздравили его съ предстоящимъ открытіемъ и просили показать клинику; а на слѣдующій день, при самомъ открытіи, они не присутствовали; явились только 6 студентовъ (изъ нихъ 2 естественника), повидимому, делегаты, потому что, какъ только попечитель началъ рѣчь, они встали и вышли, при чемъ передовой старался стучать погромче.

Нѣсколькими днями раньше былъ маленькій инцидентъ у проф. Боброва. Разбирая въ аудиторіи исторію болѣзней, онъ смѣялся надъ грамматическими ошибками, встрѣчавшимися въ нихъ. Студенты нашли

это оскорбительнымъ и вышли изъ аудиторіи. Оставшіеся въ небольшомъ числѣ студенты объяснили Боброву причину выхода, и онъ сказалъ, что если студенты обижаются его замѣчаніями, то онъ не будетъ ихъ дѣлать. Бобровъ пользуется среди нихъ популярностью и, несмотря на это, былъ наказанъ. Я увѣренъ, что и тутъ вожаками были члены Союза. Впрочемъ, Бобровъ вообще грубый человѣкъ, и не мудрено, что его разборъ могъ имѣть и оскорбительную форму.

Среди общества я все это время только и слышу порицанія—и университетскому начальству и петербургской полиціи, и всему правительству, ... Я посторонній человѣкъ, но всѣ эти порицанія раздражаютъ и волнуютъ меня. . . . .

Конечно, можно было бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть вѣжливей, могли бы выбирать на высшія должности людей умнѣе, образованнѣе и честнѣе. Но все это не ослабило бы вѣчнаго ропота и хулы среди образованной публики. Спрашивается: что же дѣлать, чтобы удовлетворить ее? Призвать дѣйствительно къ участию въ государственномъ высшемъ управленіи? Но можетъ ли на это рѣшиться Государь, зная, что это поведетъ за собой большую внутреннюю неурядицу, можетъ вызвать неумѣренные аппетиты въ низшихъ классахъ и особенно въ окраинныхъ инородцахъ? Вся эта затѣя можетъ кончиться внутренней междоусобной войной, въ которой намъ придется снова завоевывать свои окраины, и для успѣшности борьбы и водворенія порядка опять просить Царя взять верховную власть въ однѣ самодержавныя руки.

Все это такъ, но и выносить интеллигентную травлю очень тяжело!

27 Февраля 1895. Въ Субботу былъ у меня вечеромъ Некрасовъ. Отъ него узналъ я, что не только Безобразову, но и Милюкову приказано выѣхать изъ Москвы и избрать для жительства какой-нибудь изъ городовъ не университетскихъ. Чѣмъ вызвана эта мѣра, не знаю. Она, разумѣется, вызоветъ много шума. Я слышалъ раньше, что какія-то курсистки собирали подписи къ адресу Милюкову, а еще кто-то устроилъ подписку денежныхъ пожертвованій въ его пользу. Едва ли одно это было причиной высылки. Сегодня помощникъ инспектора Курочкинъ передавалъ со словъ прив.-доц. Ив. Иванова, будто вчера на вокзалѣ Рязанск. ж. д. собралась толпа студентовъ, человѣкъ въ 300, чтобы проводить Милюкова, но онъ не пріѣхалъ, и толпа разошлась.

При этомъ Ивановъ увѣрялъ, что студенты вели себя безукоризненно. Тагъ какъ самъ Ивановъ имѣеть рыльце въ пушку, то эта его прибавка требуетъ провѣрки (да и вообще все извѣстіе).

Некрасовъ написалъ проэктъ письма къ министру въ отвѣтъ на его письмо. Въ этомъ проэктѣ онъ предполагалъ изложить свои мысли относительно того, какія мѣры слѣдовало бы принять для умиротворенія „слѣпотствующихъ“ (слово министра) студентовъ. Некрасовъ хотѣлъ рекомендовать мѣру, о которой мы говорили съ нимъ и Звѣревымъ раньше: учрежденіе студенческихъ общежитій частью на казенный счетъ, частью на средства, доставляемыя мѣстными обществами (такимъ образомъ помощь землячествъ преобразовалась бы въ помощь всего общества извѣстной мѣстности). Въ эти общежитія принимались бы студенты за умѣренную плату, а въкоторыя и совсѣмъ безъ платы. Во главѣ ихъ должны стоять образованные люди, уже испытанные, съ твердымъ характеромъ, на примѣръ—приватъ-доценты, читавшіе раньше лекціи, руководившіе занятіями студентовъ, а также и профессора. *)

Такимъ путемъ Некрасовъ предлагаетъ удовлетворить потребности въ матерьяльной и нравственной помощи, которой теперь надѣются удовлетворить съ помощью землячествъ. Такъ какъ осуществленіе этого проэкта зависитъ не только отъ Петербурга, но и отъ сочувствія Ген.-Губернатора, т.-е. отъ Великаго Князя Сергія Александровича, то Некрасовъ поѣхалъ къ Истомину, чтобы узнать его взгляды. Истоминъ ухватился за его проэктъ обѣими руками. Повидимому, за эти недѣли онъ успѣлъ покинуть мысль объ узаконеніи землячествъ. Онъ взялся передать проэктъ Великому Князю, который находится въ Петербургѣ. Но тутъ Некрасову пришло въ голову, что ему невозможно поднимать этого дѣла, не посвятивъ въ него попечителя, съ чѣмъ согласился и Истоминъ. Но, когда онъ изложилъ свои мысли попечителю, тотъ всполошился и сталъ уговаривать его не поднимать и рѣчи объ общежитіяхъ: „мы должны все дружно взяться за устройство узаконенныхъ землячествъ, Verein'овъ и пр.“.

Гр. Капнистъ при этомъ съ большимъ краснорѣчіемъ изложилъ ему свой планъ, предполагая привлечь къ совѣщанію и профессоровъ. Некрасовъ высказался противъ этого плана, но уже не рѣшился писать министру о своемъ проэктѣ, такъ какъ не хотѣлъ становиться

---

*) Общежитія эти Н. П. Боголѣпову удалось устроить въ бытность свою попечителемъ. П. Б. (младшій).

въ враждебное отношеніе къ попечителю. И его и меня поражаетъ поведеніе гр. Капниста. Не можетъ быть, чтобы онъ не видѣлъ опасности въ возбужденіи вопроса о землячествахъ, т.-е. чтобы онъ не предвидѣлъ крупныхъ студенческихъ беспорядковъ и профессорскихъ скандаловъ. Какую же цѣль онъ преслѣдуетъ? Это отчаянный игрокъ!

6-ю Марта 1895 г. Некрасовъ былъ у Истомина, оставилъ ему записку объ общежитіяхъ, но сказалъ, что не можетъ писать министру объ этомъ, потому что ему неловко идти прямо вразрѣзъ съ попечителемъ. Истоминъ заявилъ, что это не мѣшаетъ ему, Истомину, высказать мысль объ общежитіяхъ, какъ свой взглядъ. Онъ прибавилъ, что надѣется выхлопотать Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи комиссіи для устройства быта студентовъ.

Вчера у меня былъ Петербургскій попечитель Капустинъ. Онъ только что вернулся изъ Абасъ-Тумана, гдѣ преподавалъ Наслѣднику, Великому Князю Георгію Александровичу. Мы разговорились съ нимъ о беспорядкахъ въ Петербургѣ. По его мнѣнію, студенты ничего особеннаго не сдѣлали: „стояли у увеселительнаго заведенія Тумпакова; когда ихъ попросили уйти, они сказали, что ждутъ товарищей; когда имъ предложили послать къ тѣмъ депутацію, они послали и затѣмъ ушли. Когда въ другомъ мѣстѣ полицейскій, желая отклонить ихъ отъ Невскаго, предложилъ имъ пойти по Екатерининской, они согласились. Ну, если они сломали табуретъ у дежурнаго, стоявшаго у Кабинета Его Величества, то что же за бѣда? Они, вѣрно, и не знали, кто это былъ. А вотъ фонъ-Валь виноватъ: зачѣмъ онъ выпустилъ на нихъ дворниковъ, а не полицейскихъ, которые болѣе дисциплинированы“.

Я ему на это замѣтилъ, что онъ уже очень снисходительно судить. Мы можемъ осуждать фонъ-Валя за то, что полиція въ-время не приняла мѣръ, но студенты этимъ не могутъ оправдываться. Они дѣлали не однѣ невинныя вещи, когда перебрасывали женщину съ рукъ на руки или опрокидывали ѣздоковъ съ санями въ снѣгъ, или входили въ увеселительныя заведенія, не платя денегъ.

8-ю Марта 1895 г. Сегодня дается студенческій концертъ, котораго опасалась университетская администрація. До концерта ходили слухи, что попечителю готовится публичное оскорбленіе.

Послѣдніе дни полиція подтвердила достовѣрность этихъ слуховъ. Вслѣдствіе этого ректоръ совѣтовалъ попечителю не ѣздить въ концертъ, на что тотъ легко согласился. Распорядители концерта,

по примѣру прошлаго года, сдѣлали нѣсколько разрядовъ билетовъ, кромѣ продажныхъ.

Почетные билеты были поднесены немногимъ лицамъ: Милюкову, Безобразову (т.-е. двумъ недавно уволеннымъ прив.-доцентамъ), проф. Тимирязеву (единственному изъ профессоровъ-петиціонеровъ, отказавшемуся подписать заявленіе 80-ти профессоровъ), бывшему инспектору Доброву и бывшему регенту духовнаго хора Мамонтову, который тоже былъ протестантомъ.

Оффиціальныя билеты, которые они предполагали послать университетскимъ властямъ.

Билеты безъ всякаго названія—тѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ Москвы, которымъ въ прежнее время посылались почетные билеты, напр. командующему войсками округа, коменданту, оберъ-полицеймейстеру и пр.

Инспекторъ запретилъ имъ разрядъ оффиціальныхъ билетовъ. Но, вѣроятно, нѣкоторые изъ распорядителей не успѣли еще узнать объ этомъ распоряженіи и явились къ ректору съ такими билетами. Ректоръ сказалъ имъ, что не можетъ принять билета, котораго не одобрилъ инспекторъ, потому что этимъ онъ нарушилъ бы запретъ университетской же власти; но онъ не желаетъ нарушать ихъ праздника и потому будетъ въ концертѣ, но съ покупнымъ билетомъ.

Вся эта исторія съ билетами такъ же ненормальна, какъ и все отношеніе къ студентамъ. Если бы студенческій концертъ былъ совершенно частнымъ дѣломъ, то студенты могли бы выбирать, кого хотятъ, въ почетные гости; но тогда, конечно, было безмысленно посылать билеты оффиціальныя или иные тѣмъ лицамъ, которыхъ они не желаютъ видѣть у себя. Такъ, повидимому, смотрятъ на дѣло заправила въ концертномъ дѣлѣ, и ихъ категоріи билетовъ есть уступка университетскому начальству. Но студенческіе концерты не частное дѣло. Хоръ и оркестръ студентовъ устроены при университетѣ, на нихъ отпущены казенныя деньги, они находятся въ вѣдѣніи инспектора и попечителя. Поэтому студенческій концертъ носитъ полуоффиціальный характеръ. Попечитель, ректоръ и всѣ университетскія власти присутствуютъ тамъ оффиціально: имъ, строго говоря, никакихъ билетовъ не нужно для входа, а всѣмъ прочимъ гостямъ, которыхъ желательно пригласить, могутъ быть посланы только почетные билеты—и при-

томъ не иначе, какъ съ одобренія университетскаго начальства, ибо дѣйствія студентовъ, въ глазахъ почетныхъ лицъ Москвы, конечно, являются дѣйствіями университета.

Вчера Некрасовъ говорилъ, что полиція доставила ему еще документы, выпущенные Союзомъ землячествъ.

Между ними находятся отчеты о дѣятельности Союза за прошлые годы, начиная съ 1889 г. Тамъ обсуждается и моя дѣятельность въ качествѣ ректора. По его словамъ, эти отчеты подтверждаютъ то, что я высказывалъ въ то время въ видѣ догадки о существованіи какой-то организаціи.

Какое тяжелое, смутное время! Во всемъ такъ называемомъ образованномъ обществѣ кишитъ какой-то смутный либерализмъ, протестанство, порицаніе. Не видишь, какія границы желаютъ положить этимъ отрицательнымъ чувствамъ и желаніямъ, и потому не знаешь, чему же удовлетворять и съ чѣмъ бороться.

Вчера Звѣревъ рассказывалъ, что Милюковъ послѣ увольненія изъ приватъ-доцентовъ, но до высылки, читалъ лекцію гдѣ-то (кажется въ Историч. музеѣ). Послѣ лекціи какія-то курсистки и гимназистки сдѣлали ему овацію и проводили его съ криками на улицу. Итакъ, даже гимназистки стали участвовать въ демонстраціяхъ!

На вокзалѣ собралось человѣкъ 200 студентовъ, чтобы проводить Милюкова. Когда онъ появился, раздалась среди студентовъ команда: „Шапки долой!“ и всѣ сняли шапки, а Милюковъ проходилъ, раскланиваясь. Я думаю, въ эту минуту онъ былъ даже доволенъ своей высылкой.

Вчера же. на засѣданіи строительной комиссіи, я разговорился съ университетскимъ архитекторомъ Быковскимъ, по поводу безобразій, учиненныхъ петербургскими студентами. Быковскій говоритъ: „Да, это похоже на начало 50-ыхъ годовъ“. — „Вы хотѣли сказать 60-хъ?“ спрашиваю я. — „Нѣтъ, именно пятидесятыхъ, т.-е. въ концѣ царствованія Николая: тогда, вѣдь, только и занимались студенты попойками и дебошами, а въ 50-хъ годахъ направленіе было *идейное*“. сказалъ онъ съ достоинствомъ. Ну не пошло ли это?! Какъ у такихъ отцовъ не быть дочерямъ гимназисткамъ, которыя участвуютъ въ политическихъ демонстраціяхъ, не умѣя въ то же время отличить средней исторіи отъ новой.

Я былъ сегодня очень разстроенъ. Нѣсколько дней тому назадъ я высказалъ проф. Гамбарову сомнѣнiе въ возможности пропустить магистерскую диссертацию Гусакова, прiятеля Гамбарова, и просилъ его почитать ее. Гамбаровъ при первомъ свиданiи заявилъ мнѣ, что, прочитавъ книгу, онъ пришелъ къ совершенно обратному заключенiю: ни одной диссертации столь хорошей онъ еще не читалъ за послѣднее время. Вчера онъ явился съ визитомъ къ Доробцу, просидѣлъ у него долго и мало-по-малу выразилъ ему слѣдующее: онъ-де не понимаетъ, какъ Боголѣповъ не цѣнить книги Гусакова; онъ объясняетъ это только тѣмъ, что Боголѣповъ совсѣмъ пренебрегаетъ литературой, а только занимается источниками; онъ потребуеъ, чтобы Боголѣповъ высказался рѣшительно о допущенiи диссертации теперь же, не откладывая до осени (хотя диссертациа еще не кончена печатанiемъ); если онъ откажется, любой университетъ охотно пропуститъ ее. Но онъ, Гамбаровъ, въ свою очередь, сочтетъ своимъ долгомъ очень внимательно прочесть диссертацию Хвостова (моего ученика) и тоже на экзаменѣ Собинина (тоже моего ученика) не допуститъ поблажекъ и постороннихъ соображенiй. Другими словами, Гамбаровъ желалъ дать мнѣ понять, что если я не пропущу диссертации его прiятеля, то онъ прижметъ моихъ учениковъ.

Статьи о Н. П. Боголѣповѣ печатались въ „Русскомъ Архивѣ“ 1906-го года. Настоящiя воспоминанiя, доставленныя намъ Екатериной Александровной Боголѣповой, за что приносимъ ей сердечную благодарность, печатаются съ пропусками обозначенными точками. Въ бытность свою министромъ народнаго просвѣщенiя, Н. П. Боголѣповъ не успѣлъ провести намѣченныхъ имъ преобразованiй и палъ мученической жертвой долгу службы и своихъ убѣжденiй, 2-го марта 1901 года, скорбя о плачевномъ состоянiи средней школы, недостатки коей онъ намѣревался исправить. П. Б. (младшiй).

**Копія съ петиціи 42-хъ профессоровъ, поданной Великому Князю
въ Декабръ 1894 г.**

Ваше Императорское Высочество!

Профессора Московскаго Университета признають своимъ долгомъ, какъ наставники учащейся молодежи, являться ходатаями за нее и ея заступниками въ трудныя минуты ея жизни. Такое ходатайство они считаютъ особенно необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда студенты подвергаются карѣ, превышающей ихъ вину. 3 Декабря полиція арестовала и затѣмъ выслала изъ Москвы на 3 года болѣе 40 человекъ, изъ которыхъ большинство завѣдомо пострадало лишь за принадлежность къ землячней организаціи, т.-е. за нарушеніе § 16 правилъ, запрещающаго „принимать участіе въ тайныхъ обществахъ и кружкахъ, хотя бы и не имѣющихъ преступной цѣли“. Такая кара, которая на практикѣ въ большинствѣ случаевъ влечетъ за собою невозможность окончить университетскій курсъ, является несвоевременной и несоразмѣрно-тяжелой потому, во 1-хъ, что настроеніе огромнаго большинства студентовъ, не оставляя желать ничего лучшаго, не вызвало необходимости такой мѣры; во 2-хъ, что многіе изъ высланныхъ, какъ достовѣрно извѣстно, не только не желали безпорядковъ, но всѣми силами старались успокоить волненіе между студентами, вызванное приговоромъ правленія отъ 1-го Декабря; въ 3-хъ, что въ числѣ пострадавшихъ находится не мало студентовъ, подававшихъ большія надежды своими успѣшными занятіями и настолько лично извѣстныхъ профессорамъ, что они могли бы за нихъ поручиться; въ 4-хъ, что вся вина высланныхъ студентовъ заслуживала снисхожденія, такъ какъ студенческія общества существовали въ послѣдніе годы съ вѣдома университетскихъ и полицейскихъ властей, и принадлежавшіе къ землячествамъ студенты могли считать эти общества негласно разрѣшенными; наконецъ, потому, что проступокъ, въ которомъ обвинялось большинство

высланныхъ студентовъ, подлежалъ университетскому суду, а не полицейской карѣ.

Въ силу этого мы рѣшаемся ходатайствовать передъ Высочайшей властью о возвращеніи въ Московскій Университетъ всѣхъ высланныхъ изъ Москвы студентовъ, которые не обвиняются въ какихъ-либо политическихъ преступленіяхъ, и просить Ваше Императорское Высочество дать такое направленіе нашему ходатайству, какое Ваше Высочество признаете наиболѣе удобнымъ для достиженія вышеозначенной цѣли.

Въ то же время мы, какъ члены Императорскаго Университета, проникнутые сознаниемъ долга передъ правительствомъ и нашей нравственной отвѣтственности за студентовъ, считаемъ необходимымъ указать на главнѣйшія причины, нарушающія, по нашему мнѣнію, правильное теченіе университетской жизни. Мы далеги отъ того, чтобы не признавать необходимости предупредительныхъ мѣръ въ интересахъ охраненія государственнаго порядка, но самая серьезность этихъ интересовъ требуетъ того, чтобы не допускалось смѣшеніе между государственнымъ преступленіемъ и провинностями, предусматриваемыми правилами для студентовъ. Такое смѣшеніе влечетъ за собой цѣлый рядъ самыхъ плачевныхъ послѣдствій, подрывающихъ въ молодыхъ умахъ вѣру въ справедливость власти и оставляющихъ на всю жизнь горькое чувство разочарованія и озлобленія. Съ одной стороны, оно извращаетъ усердіе агентовъ полицейской власти, побуждая ихъ безъ должной осмотрительности привлекать къ тяжелой отвѣтственности почти неповинныхъ людей и обращаться съ ними, какъ съ уличенными преступниками; оно ведетъ къ несоразмѣрности наказанія и къ удвоенію кары за одинъ и тотъ же проступокъ, когда, на примѣръ, студентъ, уволенный правленіемъ, высылается полиціей изъ Москвы. Съ другой стороны, оно вызываетъ волненіе и раздраженіе среди студентовъ, которые приписываютъ тайные массовые аресты университетскому начальству. Такъ и въ настоящемъ случаѣ аресты 3-го и 4-го Декабря были приняты студентами, какъ послѣдствія мѣръ университетскихъ властей для прекращенія возникшихъ 2-го Декабря волненій, и едва не привели къ серьезнымъ беспорядкамъ.

Наконецъ, такія высылки, при которыхъ Университету сообщается только списокъ пострадавшихъ безъ обозначенія мотивовъ наказанія, составляютъ противорѣчіе 125 статьѣ Университетскаго Устава, которая требуетъ, чтобы о всякомъ преступленіи или проступкѣ, совер-

шенномъ студентомъ внѣ Университета, полиція немедленно давала знать университетскому начальству. Соблюденіе этой ст. существенно важно прежде всего потому, что Университетъ есть учебно-воспитательное учрежденіе, и учащіеся въ немъ должны подлежать педагогическому воздѣйствію своихъ наставниковъ; а затѣмъ и ради того, чтобы Университетъ былъ гарантированъ отъ произвола и ошибокъ полицейскихъ агентовъ, и чтобы проступки, предусмотрѣнные университетскими правилами, не карались наравнѣ съ государственными преступленіями и не навлекали такимъ образомъ на лучшихъ иногда юношей гражданскую смерть.

Аресты и высылки, произведенные полиціей, являются главнымъ образомъ слѣдствіемъ волненія, обнаружившагося 2-го Декабря въ нѣкоторой части студенчества подъ впечатлѣніемъ состоявшагося 1-го Декабря приговора правленія. Не признавая себя въ правѣ входить въ разсмотрѣніе этого приговора, постановленнаго согласно правиламъ для студентовъ Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ, профессора считаютъ необходимымъ указать на не вполнѣ цѣлесообразную постановку вопроса объ университетскомъ судѣ вообще. Судъ надъ студентами предоставленъ „Инспектору, Ректору и Правленію“. Последнее судить подъ предсѣдательствомъ Ректора и съ участіемъ Инспектора. Самое предсѣдательство можетъ принять на себя и Попечитель. Такимъ образомъ судъ надъ студентами производится административнымъ органомъ, отвѣчающимъ за спокойствіе въ Университетѣ, и съ участіемъ лицъ, которыя могли имѣть непосредственное предъ этимъ столкновеніе съ отдѣльными студентами или группами ихъ. При такихъ условіяхъ нельзя ожидать неизмѣннаго хладнокровія со стороны судей, а со стороны студентовъ—полнаго довѣрія къ непристрастію суда и безпрекословнаго подчиненія его авторитету.

Судъ вездѣ выдѣленъ изъ сферы административныхъ властей, лишь въ Университетахъ это не имѣетъ мѣста, а между тѣмъ Правленію предоставляется налагать такія кары, которыя на практикѣ равняются лишенію правъ состоянія, такъ какъ онѣ сопровождаются и усугубляются административной высылкой въ неуниверситетскіе города и даже въ такіе, гдѣ высланное лицо не можетъ найти средствъ къ содержанію. Положеніе дѣла отягощается тѣмъ, что Правленіе руководится § 30. правилъ, допускающихъ случайность и произволь. Во всѣхъ уставахъ о наказаніяхъ за всякій проступокъ опредѣленъ соотвѣтствующій минимумъ или максимумъ наказанія; въ правилахъ же университетскихъ легкіе проступки не отдѣлены отъ болѣе тяжелыхъ,

и студентъ, виновный, напр., въ томъ, что онъ присоединился къ кучкѣ товарищей, чтобы послушать, что тамъ говорятъ, не можетъ предвидѣть, отдѣлается ли онъ выговоромъ, или навсегда утратитъ возможность окончить свое образование и сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ.

Кромѣ того, университетскій судъ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ судебныхъ мѣстъ, дѣйствуетъ безапелляціонно. Правда, по Уставу, приговоръ правленія утверждаетъ попечитель, но это утвержденіе не есть пересмотръ приговора; оно можетъ произойти немедленно, а заключающаяся въ немъ гарантія на практикѣ совершенно устраняется въ тѣхъ случаяхъ, когда попечитель принимаетъ на себя предсѣдательство въ правленіи. Профессора Университета лишены всякой возможности устранить вышеуказанные недостатки. По § 30 Университетскаго Устава Совѣту Университета предоставлено лишь обсужденіе проэктвъ о взысканіяхъ за нарушеніе студентами своихъ обязанностей, а не пересмотръ или дополненіе правилъ. Профессора лишены даже возможности ходатайствовать передъ министромъ объ этомъ, такъ какъ имъ непредоставлено право требовать созванія Совѣта или вносить въ очередныя засѣданія Совѣта, которыя бывають 2—3 раза въ годъ, какіе бы то ни были вопросы безъ разрѣшенія предсѣдателя, отъ нихъ исполнѣ независимаго.

Такимъ образомъ профессора, хотя они и несутъ передъ правительствомъ и въ глазахъ студентовъ нравственную отвѣтственность за все, что творится въ Университетѣ, лишены права ходатайствовать черезъ Совѣтъ передъ правительствомъ объ нуждахъ студенчества и Университета вообще.

Въ виду такого положенія профессоровъ, мы принуждены частнымъ образомъ довести до свѣдѣнія правительства объ этихъ нуждахъ и потому всепокорнѣйше просимъ Ваше Императорское Высочество обратить милостивое вниманіе на наше передъ В. И. Высочествомъ ходатайство.

Профессора Императорскаго Московскаго Университета: слѣдуютъ
42 подписи.

Краткія замѣчанія Попечителя Московскаго Учебнаго Округа графа Капниста на ходатайство 42 профессоръ Московскаго Университета, обращенное къ Его Императорскому Высочеству Московскому Генераль-Губернатору.

Разсмотрѣвъ ходатайство 42 профессоръ Московскаго Университета о возвращеніи въ Москву студентовъ, высланныхъ административнымъ порядкомъ изъ Москвы 3-го Декабря 1894 года, я нахожу слѣдующее:

1) Сущность ходатайства профессоръ касается смягченія участи удаленныхъ изъ Москвы студентовъ и возвращенія ихъ въ Московскій Университетъ.

Ходатайство это, если бы оно заключало въ себѣ одну лишь просьбу *повпрки основній, на которыхъ послѣдовала высылка*, т.-е. съ тѣмъ, чтобъ участь высланныхъ лицъ была затѣмъ рѣшена на основаніи данныхъ, какія обнаружатся при повѣркѣ, не могло бы не возбудить полнаго сочувствія, тѣмъ болѣе, что оно совпадаетъ съ мыслию, уже ранѣе намѣченною Его Императорскимъ Высочествомъ Московскимъ Генераль-Губернаторомъ. Но, къ сожалѣнію, ходатайство формулировано совершенно иначе и заключается въ просьбѣ объ огульномъ возвращеніи въ Московскій Университетъ всѣхъ высланныхъ студентовъ, если только они не обвиняются въ политическихъ преступленіяхъ, между тѣмъ какъ до разслѣдованія нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, чтобы въ числѣ высланныхъ лицъ не было такихъ, которыя по другимъ причинамъ, хотя бы не чисто политическимъ, не могутъ быть возвращены въ Москву, но могли бы быть допущены въ другіе Университеты.

Затѣмъ мотивировка ходатайства заключаетъ въ себѣ рядъ недомолвокъ и неточностей, которыя могутъ ввести студентовъ въ заблуж-

деніе относительно истиннаго характера заступничества за нихъ профессоръ и оказать положительно вредное вліяніе.

а) Въ ходатайствѣ г.г. профессоровъ говорится объ участіи студентовъ въ тайной организаціи землячествъ, какъ о сравнительно ничтожномъ дисциплинарномъ проступкѣ, могущемъ влечь за собою взысканіе, не нарушающее хода образованія студентовъ. Между тѣмъ, по существующимъ правиламъ, каждый студентъ даетъ подписку въ томъ, что онъ не будетъ участвовать ни въ какихъ тайныхъ сообществахъ, и расписывается въ томъ, что ему объявлено, „что за нарушение этой подписки онъ подлежитъ увольненію изъ Университета“. Такимъ образомъ г.г. профессора даютъ своему ходатайству такой оборотъ, который умаляетъ въ глазахъ студентовъ нарушение правилъ въ силу коего имъ воспрещено вступать въ тайныя сообщества.

б) Если снисходительное толкованіе могло бы еще имѣть мѣсто относительно „землячествъ“ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. отдѣльныхъ кружковъ людей, естественно другъ съ другомъ связанныхъ и имѣющихъ своею цѣлью только поддерживать эту чисто товарищескую связь, то оно совершенно неумѣстно относительно возникшей гораздо позднѣе землячества общей центральной организаціи „студенчества“, принявшей наименованіе „союзнаго совѣта землячествъ“. Этотъ совѣтъ осуществляетъ собою попытку создать студенческую организацію, выходящую далеко за предѣлы товарищескаго кружка, власть имѣющую, издающую повелѣнія студентамъ и производящую давленіе на профессоровъ и университетскую администрацію; однимъ словомъ, „союзный совѣтъ“ является учрежденіемъ, главенствующимъ надъ студентами, и съ которымъ долженъ, по мнѣнію совѣта, считаться весь Университетъ.—Различіе между скромнымъ землячествомъ и подобною, претендующею на власть, организаціею такъ очевидно, что распространяться о немъ нѣтъ надобности.—Полагаю, что профессорамъ эта разница столь же очевидна, какъ и другимъ, и существованіе совѣта, неоднократно рассылавшаго въ послѣднее время свои подпольные листки, имъ безъ сомнѣнія извѣстно.

Между тѣмъ г.г. профессора всюду умалчиваютъ о „союзномъ совѣтѣ“, во вредъ коего они едва ли сомнѣваются, и говорятъ только о „земляческой организаціи“, подъ каковымъ наименованіемъ можно предполагать и безвредныя землячества, и безусловно вредную и анти-академическую организацію „союзнаго совѣта“.—Если же при разслѣдованіи окажется, что часть высланныхъ студентовъ принадлежала къ

этой послѣдней организаціи, то адепты ея не замедлятъ убѣдить все студенчество въ томъ, что профессора просили именно за членовъ этой организаціи и симпатизируютъ ей.—Такимъ образомъ недомолвка г.г. профессоровъ, не рѣшившихся упомянуть о союзномъ совѣтѣ и высказать свой взглядъ на него, можетъ повліять на усиленіе этой вредной организаціи.

в) Упомянутое о томъ, что студенческія общества—опять безъ различенія простыхъ землячествъ и союза—будто бы существовали послѣдніе годы съ вѣдома университетскихъ властей (о полицейскихъ властяхъ я не говорю, такъ какъ онѣ ко мнѣ не относятся), почему студенты могли считать ихъ дозволенными, является непозволительною инсинуаціею, могущею опять-таки укрѣпить въ студентахъ мысль о законности ихъ незаконныхъ дѣйствій. Утверждать, что учебное начальство завѣдомо допускало существованіе союза—на томъ основаніи, что оно видѣло его проявленія, но не нашло средствъ обнаружить это тайное сообщество, столь же несообразно, какъ предположеніе, напр., о томъ, что правительство терпѣло и допускало „ржондъ“ — на томъ только основаніи, что долгое время оно не могло доискаться до его организаціи.

2) Та часть записки, которая касается измѣненія университетскаго суда, останавливаетъ на себѣ особое вниманіе: г.г. профессора желаютъ полного отдѣленія судебной дисциплинарной власти отъ администраціи и устраненія отъ этой власти тѣхъ лицъ (ректора, инспектора и попечителя), которыя отвѣтствуютъ, какъ признаютъ сами г.г. профессора, за порядокъ въ Университетѣ, при чемъ г.г. профессора примѣняютъ въ данномъ случаѣ къ Университету правила общаго судоустройства, забывая, что Университетъ есть учебное заведеніе, и едва ли можно указать на высшее учебное заведеніе, въ которомъ бы административное начальство было лишено судебной дисциплинарной власти.

3) Наконецъ, ссылка на § 30 Правилъ и указаніе, что въ Университетѣ не существуетъ особаго устава о наказаніяхъ, не можетъ не поразить всякаго, кто сколько-нибудь знакомъ съ дѣломъ. Подобнаго устава никогда, нигдѣ не существовало, и я полагаю, что многіе изъ г.г. профессоровъ, подписавшихъ ходатайство и служившихъ при уставѣ 1863 г., отлично знаютъ, что и въ прежнихъ правилахъ существовали статьи, соотвѣтствующія нынѣшнему § 30, въ силу коихъ налагалась большая часть взысканій, перечисленныхъ въ § 30, и что градація, о которой нынѣ говорится, обозначалась лишь въ весьма общихъ

чертахъ, такъ какъ школьная и академическая жизнь не поддается подобной регламентаціи.

Въ виду сего я полагалъ бы, что если и благоугодно было бы удовлетворить желаніе г.г. профессоровъ въ предѣлахъ, уже намѣченныхъ ранѣ Его Императорскимъ Высочествомъ Московскимъ Генераль-Губернаторомъ, т.-е. повѣркою основаній высылки студентовъ, то желательно было бы остальные части ходатайства оставить безъ всякихъ послѣдствій, указавъ при томъ и на тотъ вредъ, который можетъ быть принесенъ вышеуказанными недомолвками и неточностями.

Заявленіе 9-ти профессоровъ попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Мы считаемъ своимъ долгомъ заявить Вашему Сіятельству рѣшительный протестъ противъ тѣхъ обвиненій, которыя содержатся въ „замѣчаніяхъ“ на нашу петицію, представленныхъ Вами Его Императорскому Высочеству Г. Московскому Генералъ-Губернатору и затѣмъ, въ распространенномъ видѣ, Его Сіятельству Г. Министру Нар. Просв. Къ этому заявленію побуждаетъ насъ сознаніе чистоты нашихъ намѣреній при заступничествѣ за студентовъ, подвергшихся административной высылкѣ, нежелательность которой, безъ вѣдома Вашего Сіятельства, Вы сами неоднократно признавали въ бесѣдахъ съ отдѣльными профессорами, указывая при этомъ, во время самаго составленія петиціи и даже по поводу ея, на нѣкоторыхъ студентовъ, пострадавшихъ, какъ Вы сами предполагали, безвинно. Упоминая о землячествахъ, мы точно такъ же и отчасти на томъ же основаніи отнюдь не подозрѣвали въ своихъ словахъ какой-либо, какъ Вашему Сіятельству угодно было выразиться, „инсинуаціи“, т. е., какъ мы понимаемъ этотъ терминъ, косвеннаго доноса. Особенно трудно намъ было предугадать, что Ваше Сіятельство примете это мѣсто петиціи на свой счетъ, такъ какъ въ немъ рѣчь идетъ объ университетскихъ властяхъ, а Попечитель Учебнаго Округа едва ли подходитъ подъ это выраженіе. Во всякомъ случаѣ самое сильное обвиненіе, какое только возможно взвести на насъ по этому поводу, заключалось бы въ томъ, что мы заговорили о землячествахъ, не ознакомившись предварительно съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Въ отвѣтъ на такое обвиненіе намъ оставалось бы лишь покаяться въ неосторожномъ отношеніи къ этой щекотливой сторонѣ университетской жизни, каковое теперь, послѣ разъясненій въ „замѣчаніяхъ“ Вашего Сіятельства, сопоставленныхъ нами съ исторіей нашего университета за послѣднія 7 лѣтъ, мы сами начинаемъ сознавать. Дѣйствительно, мы судимъ о событіяхъ только по ихъ внѣшности, которая и ввела насъ въ заблужденіе

точно такъ же, какъ и многихъ студентовъ. Между прочимъ, о такъ наз. Совѣтъ землячествъ мы впервые получили нѣкоторыя свѣдѣнія изъ различныхъ частныхъ источниковъ около времени составления петиціи, но ни тогда, ни послѣ сообщенія намъ документовъ, по объясненію г. Ректора изданныхъ этимъ таинственнымъ лжеправленіемъ Университета, мы не могли отдать себѣ яснаго отчета въ его дѣятельности, равно какъ и провести рѣзкія границы между нимъ и землячествами, которыя къ тому же, какъ мы узнали изъ „замѣчаній“ Вашего Сіятельства, не всѣ одинаковы, а раздѣляются на организованныя и не организованныя. Къ такимъ колебаніямъ въ различеніи этихъ подробностей самодѣльной организаціи студенчества привели насъ прежде всего тѣ свѣдѣнія, которыя, въ виду внезапно возникшихъ толковъ о Союзномъ Совѣтѣ, мы успѣшили собрать,—тѣ свѣдѣнія, по которымъ оказывалось, что этотъ Совѣтъ состоитъ изъ представителей тѣхъ же землячествъ (вѣроятно, организованныхъ). Потому-то въ записку, поданную г. Ректору 34 профессорами изъ подписавшихъ петицію, и вкралось неосмотрительное выраженіе о студенческихъ сообществахъ, котораго мы, конечно, не допустили бы, если бы могли предвидѣть, что оно изъ частнаго письма попадетъ въ бумагу, предназначенную для подачи представителямъ высшей власти.

Мы воздерживаемся отъ возраженія на отдѣльные обвинительные пункты и на аргументацію въ „замѣчаніяхъ“ Вашего Сіятельства, считая обстоятельный разборъ этого документа излишнимъ при обращеніи къ Вамъ, нашему ближайшему начальнику, которому фактическая часть дѣла извѣстна, безъ сомнѣнія, лучше, нежели намъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ административной политики. Впрочемъ, если бы Ваше Сіятельство пожелали познакомиться съ тѣми доводами, которыми мы могли бы воспользоваться для освобожденія нашей чело-вѣческой и служебной чести отъ незаслуженныхъ нареканій, составляющихъ содержаніе вышеупомянутаго документа, намъ было бы не трудно удовлетворить такое желаніе Вашего Сіятельства.

При семъ мы, естественно, позволяемъ себѣ надѣяться, что Ваше Сіятельство соблаговолите довести это почтительнѣйшее объясненіе наше до свѣдѣнія тѣхъ властей, коимъ о томъ вѣдать надлежитъ, тѣмъ путемъ и въ томъ видѣ, какіе Вы признаете наиболѣе цѣлесообразными и соотвѣтствующими пользѣ Университета.

Отчетъ судебной комиссіи за 1893/94 г.

Въ прошедшемъ 1893—94 году, какъ и въ первомъ году своего существованія, судебная комиссія должна была начать свою дѣятельность безъ всякаго устава, такъ какъ нельзя считать за таковой нѣсколько неясныхъ и неполныхъ §§ дѣйствующаго устава союзнаго совѣта, въ которыхъ говорится о судебной комиссіи. Между тѣмъ потребность въ болѣе точномъ опредѣленіи отношеній судебной комиссіи къ союзному совѣту и къ отдѣльнымъ коллективнымъ единицамъ союза чувствуется весьма сильно, и еще въ первый годъ дѣятельности судебной комиссіи вопросъ объ уставѣ ея былъ поставленъ на очередь. Поэтому судебная комиссія, въ засѣданіи 17 Октября 1893 г., избрала изъ своей среды комиссію для выработки проекта устава, который и былъ оконченъ къ 17 Ноября; но затѣмъ, имѣя въ виду, что, въ случаѣ принятія этого проекта союзомъ, соотвѣтствующіе §§ устава союзнаго совѣта должны быть вычеркнуты или совершенно измѣнены, и желая избѣжать столкновеній по этому поводу съ союзнымъ совѣтомъ, а также и для удостовѣренія давно назрѣвшей потребности въ измѣненіи всего устава союза, судебная комиссія предложила союзному совѣту избрать смѣшанную комиссію изъ членовъ обоихъ органовъ союза для выработки проекта новаго устава союза, куда бы вошли уставы союзнаго совѣта и судебной комиссіи. 26 Ноября было получено согласіе союзнаго совѣта на это предложеніе, и были выбраны пять (5) членовъ въ смѣшанную комиссію. Дѣло въ этой комиссіи затормозилось благодаря рождественскимъ праздникамъ, но тѣмъ не менѣе въ Февралѣ мѣсяцѣ 1894 года проектъ устава союза, гдѣ (если не считать нѣкоторыхъ частныхъ, которыми пришлось поступиться) были проведены важнѣйшія основанія рациональной постановки суда союза, былъ законченъ и поступилъ въ союзный совѣтъ. Какая судьба постигла тамъ этотъ проектъ — судебной комиссіи остается неизвѣстнымъ, но во всякомъ случаѣ онъ не былъ

представленъ въ прошедшемъ году совѣтомъ союзу для обсуждения и утверженія. Такимъ образомъ, судебная комиссія и въ третій годъ своего существованія вступаетъ безъ устава, но отвѣтственность за это ни въ какомъ случаѣ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, на судебную комиссію пасть не можетъ. Между тѣмъ, благодаря отсутствію устава, члены союза очень мало знакомы съ задачами, организациею и принципами дѣятельности судебной комиссіи. Въ виду этого *) судебная комиссія считаетъ своимъ долгомъ дать въ годичномъ отчетѣ свои заключенія какъ о настоящемъ положеніи этихъ вопросовъ, такъ и о возможныхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ. Задачи суда союза, естественно, опредѣляются задачами всего союза: но на практикѣ, благодаря неопредѣленности послѣднихъ, и первыя являются совершенно неустановившимися. По опредѣленію прошлогодняго собора, цѣлью союза должна быть выработка изъ студентовъ будущихъ общественныхъ дѣятелей. Соотвѣтственно этому, и дѣятельность суда должна развиваться въ смыслѣ усиленія контроля надъ доступными его воздѣйствію лицами и явленіями, имѣющими характеръ нежелательный и вредный для такого общественнаго самовоспитанія студенчества. Задачи суда союза не могутъ быть ограничены необходимой самообороной противъ шпионовъ и воіюющихъ университетскихъ безпорядковъ; главное вниманіе его должно быть устремлено на массу студенчества и членовъ союза, среди которыхъ судъ союза обязанъ по возможности предупреждать и искоренять всякаго рода безнравственныя явленія, особенно свидѣтельствующія о дурномъ отношеніи студентовъ къ лежащимъ на нихъ обязанностямъ, такъ сказать, общественно-студенческаго характера. Разумѣется, авторитетъ суда союза долженъ быть преимущественно нравственнымъ, какъ авторитетъ товарищескаго суда совѣсти. Но въ случаяхъ, когда приходится имѣть дѣло съ людьми, утратившими способность прислушиваться къ голосу своей совѣсти и къ общественному мнѣнію, судъ союза вынужденъ прибѣгнуть къ находящимся во власти союза репрессивнымъ мѣрамъ для обузданія или удаленія такихъ лицъ изъ университетской среды. Формальныхъ ограниченій дѣлъ суда союза какимъ-нибудь опредѣленнымъ кругомъ лицъ или преступленій, какъ показалъ опытъ судебной комиссіи (дѣла проф. Кузьмина и Янжула или дѣла уголовныя—изнасилованіе и т. п.), безъ существеннаго ущерба для интересовъ студенчества и союза невозможно установить: поэтому судъ союза долженъ имѣть право во всѣхъ случаяхъ самому рѣшать, подлежитъ ли данное дѣло его компе-

---

*) А также и потому, что въ послѣднее время появился проэктъ Нижегородскаго землячества, стремящійся кореннымъ образомъ измѣнить организацию судебной комиссіи.

тенціи. Это цѣли и задачи суда союза, естественно, по существу одинаковы съ цѣлями и задачами правильно поставленнаго союзнаго совѣта, но, тѣмъ не менѣе, сфера дѣйствій этихъ двухъ органовъ союза совершенно различна: судъ союза вѣдаетъ дѣла исключительно судебного характера, а совѣтъ—административнаго, и всякое вмѣшательство одного изъ нихъ въ дѣла другого является ненормальнымъ и, какъ показалъ опытъ, крайне вреднымъ для успѣха общаго дѣла. Поэтому краеугольнымъ камнемъ организаціи суда союза, какъ и всякаго суда, должна быть его полная независимость и самостоятельность. Определеніе наказанія есть одна изъ самыхъ существенныхъ функцій всякаго суда и никакъ не можетъ быть предоставлено постороннимъ суду учрежденіямъ, да еще административнымъ. Нечего и говорить, что постановленіе союзнымъ совѣтомъ приговоровъ по рѣшеніямъ суда является совершенной нелѣпостью, такъ какъ союзный совѣтъ ничего не можетъ знать о дѣлѣ, кромѣ главнаго рѣшенія суда, и не присутствуетъ при его разбирательствѣ. Постановленіе приговоровъ административнымъ учрежденіемъ, незнакомымъ съ обстоятельствами дѣла и подсудимыми, лишаетъ послѣднихъ всякихъ гарантій внимательнаго и осторожнаго отношенія къ ихъ личностямъ и отдаетъ ихъ на безконтрольный произволъ союзнаго совѣта, такъ какъ утвержденіе его приговоровъ союзомъ, еще менѣе могущимъ знать о дѣлѣ и подсудимыхъ, совершенно невысказано и обратилось бы въ пустую формальность, безконечно затягивающую окончаніе дѣла. Такое положеніе было бы фактическимъ уничтоженіемъ суда союза. Внутренняя организація судебной комиссіи и во второй годъ ея существованія осталась въ общихъ чертахъ неизмѣнной. Возможныя частныя улучшения и дополненія проведены почти всѣ въ разработанномъ смѣшанной комиссіей проектѣ устава союза, а нѣкоторыя, можетъ быть, выяснятся при обсужденіи этого проекта, почему судебная комиссія считаетъ излишнимъ на нихъ останавливаться и укажетъ только на принципы этой организаціи. Самыми существенными отличіями суда союза отъ общественно-государственныхъ судовъ, обусловленными нелегальнымъ положеніемъ суда и союза, являются отсутствіе гласности судопроизводства, правильнаго состязательнаго процесса и особаго слѣдственнаго института. Первое изъ этихъ обстоятельствъ при настоящемъ положеніи не можетъ быть устранено, какъ въ виду необходимости сохранять тайну во избѣжаніе разгрома суда союза, такъ и благодаря невозможности имѣть помѣщеніе соответствующихъ размѣровъ для публики, хотя бы изъ однихъ членовъ землячествъ. Гласность же условная, съ допущеніемъ земляковъ по выбору союзнаго совѣта или другаго учрежденія, явилась бы только насмѣшкой надъ

гласностью какъ по своимъ микроскопическимъ размѣрамъ, такъ и по тому, что она была бы обусловлена кумовствомъ, обратившись въ привиллею немногихъ избранниковъ. Лучшей возможной замѣной гласности судопроизводства является то, что судъ союза есть товарищескій судъ совѣсти, состоящій изъ выборныхъ представителей, а не профессиональныхъ судей, а также и усиленіе вниманія къ нему и контроля общественнаго мнѣнія союза, насколько возможно судить о судѣ по результатамъ его дѣятельности. Болѣе важнымъ тормозомъ служить отсутствіе правильнаго состязательнаго процесса, еще труднѣе осуществимаго, такъ какъ почти всѣ дѣла, разбираемая судебной комиссіей, были до сихъ поръ таковы, что невозможно было допустить присутствіе на судѣ обвиняемыхъ и большинства свидѣтелей. Разумѣется, если бы встрѣтилось дѣло, гдѣ это по условіямъ мѣста, качествамъ и положенію участниковъ оказалось возможнымъ, судебная комиссія не преминула прибѣгнуть къ этому. При отсутствіи главнѣйшихъ элементовъ правильнаго состязательнаго процесса было бы лишней формальностью назначать официальныхъ защитниковъ и прокуроровъ. Тѣмъ болѣе, что въ большей части дѣлъ, разбиравшихся въ судебной комиссіи, роли эти фактически брались на себя членами слѣдственныхъ комиссій или другими членами судебной комиссіи, ближе знающими данное дѣло и, такимъ образомъ, истина являлась въ результатѣ столкновений мнѣній, подчасъ весьма различныхъ. Что касается до раздѣленія суда союза на двѣ части, слѣдователей и присяжныхъ, то такое раздѣленіе при теперешнихъ условіяхъ совершенно невысказимо. Во-первыхъ, чисто внѣшнія обстоятельства далеко неблагоприятны для устройства учрежденія (полицейскія условія, помѣщенія, недостатокъ въ людяхъ, сказывающійся во многихъ учрежденныхъ землячествахъ, которыя далеко не всегда могутъ посылать годныхъ лицъ и въ два теперешнихъ учрежденія и т. п.). Затѣмъ, правильная постановка слѣдственнаго института требуетъ широкой гласности, а не келейно-инквизиторскаго слѣдствія. Очевидно, что гласность слѣдствія для насъ недоступна и потому мы должны рѣшиться по возможности парализовать инквизиторскій характеръ слѣдствія другими средствами. Единственно для насъ доступными средствами являются возможно широкій контроль надъ дѣйствіями слѣдователей со стороны судей и отсутствіе профессиональнаго характера обязанностей слѣдователя, что и обеспечивается при теперешней постановкѣ дѣла, когда слѣдователи выбираются особо по каждому дѣлу и участвуютъ во всѣхъ дѣлахъ судебной комиссіи. При выдѣленіи же слѣдователей въ особое учрежденіе контроль надъ ними исчезнетъ, и они превратятся въ профессиональныхъ инквизиторовъ, имѣющихъ массу шансовъ—въ увлеченіи сыскомъ

опуститься до постыдной и вредной роли сыщиковъ, всѣ стремленія которыхъ сводятся къ изловленію и къ пойманію; кромѣ того, такое выдѣленіе будетъ въ высшей степени вредно и для интересовъ самаго судопроизводства. Въ настоящее время судьи при разбирательствѣ имѣютъ дѣло съ показаніями и живыми впечатлѣніями всей слѣдственной комиссіи, члены которой взаимно контролируютъ на судѣ другъ друга, бывая часто совершенно разныхъ взглядовъ. Такимъ образомъ судьи соприкасаются съ обстоятельствами дѣла и участниками его при посредствѣ нѣсколькихъ, такъ сказать, отраженій дѣла, а при назначеніи одного докладчика они будутъ находиться въ зависимости отъ его личныхъ впечатлѣній и взглядовъ, необходимо окрашивающихъ докладъ. Ограничиться же констатированіемъ на судѣ голыхъ фактовъ, изложенныхъ письменно, невозможно, такъ какъ судъ нашъ не есть формальный судъ николаевскихъ временъ, а судъ совѣсти и внутренняго убѣжденія, обязанный считаться съ нравственной личностью подсудимаго и всѣми мотивами и обстоятельствами преступленія. Знакомство по возможности со всѣми „мелочами“, возможными предположеніями и недоразумѣніями есть необходимое условіе такого суда. Присяжные знакомятся на судебномъ слѣдствіи со всѣми мелочами и подробностями дѣла, а во время преній сторонъ со всевозможными теоріями, догадками, предположеніями и личными впечатлѣніями прокурора и защитника,—не обращаются, однако, въ судей-прокуроровъ или адвокатовъ. Почему же наши судьи станутъ судьями-слѣдователями? Оглашеніе данныхъ предварительнаго слѣдствія на судѣ не допускается, ибо тамъ есть судебное слѣдствіе: у насъ же, въ силу роковой необходимости, нѣтъ никакихъ данныхъ, кромѣ слѣдственныхъ. Намъ ничего не остается, какъ стремиться къ улучшенію слѣдствія введеніемъ въ него, въ возможныхъ случаяхъ, устно-состязательнаго процесса. Можетъ быть предложенъ еще одинъ исходъ—лишить слѣдователей по данному дѣлу права голоса при постановленіи приговора. Но это является при настоящихъ условіяхъ совершенно необоснованнымъ, такъ какъ, во первыхъ, слѣдователи составляютъ всегда лишь ничтожную часть всей комиссіи (2, 3, рѣже 4—5 человекъ при собраніи въ 20—30 ч.); во-вторыхъ, они ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ судей, такъ какъ, благодаря отсутствію профессиональности, у нихъ нѣтъ специальныхъ причинъ быть пристрастными въ дѣлѣ. Слѣдственные комиссіи, какъ бы онѣ ни были организованы, ни въ какомъ случаѣ не могутъ сами прекращать или не принимать дѣла, такъ какъ у насъ нѣтъ никакого кодекса преступленій, съ которыми бы онѣ могли сообразоваться; поэтому опредѣленіе того, что предосудительно для лицъ, которыхъ касается судъ союза,

заключаетъ въ себѣ элементы осужденій; рѣшенія необходимо принадлежаша самому суду. Менѣ существеннымъ, чѣмъ вышеуказанныя неудобства, является невозможность апелляціи на рѣшеніе суда союза, такъ какъ судъ этотъ, прежде всего, есть судъ совѣсти и внутренняго убѣжденія. Конечно, и для нашего суда возможны ошибки, но совершенно невозможно учреждать вторую судебную инстанцію или передавать дѣло новому, специально избранному составу судебной комиссіи: причины этого слишкомъ очевидны для всѣхъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, явится и чрезвычайное средство, а для устранения возможныхъ отъ неполноты или невѣрности слѣдствія ошибокъ, судебная комиссія прибѣгала къ слѣдующему средству. По постановленіи приговора, въ теченіи извѣстнаго срока, опредѣляемаго каждый разъ особо судебной комиссіей сообразно съ обстоятельствами дѣла, приговоръ этотъ дѣлается извѣстнымъ только подсудимому (а иногда и его землячеству), и въ этотъ срокъ обвиняемый можетъ подать протестъ противъ приговора, съ указаніемъ добытыхъ вновь или оставленныхъ неразсмотрѣнными обстоятельствъ дѣла. Если это указаніе подтвердится, то судебная комиссія вновь разбираетъ дѣло; вторичный приговоръ немедленно приводится въ исполненіе. Наконецъ, что касается приведенія приговоровъ въ исполненіе, то судебная комиссія вынуждена заявить, что въ ея распоряженіи не имѣется органовъ, которые дѣлали бы это точно и аккуратно. Поэтому и въ будущемъ ей придется публиковать самой свои приговоры и отчеты (что, впрочемъ, еще не есть приведеніе приговоровъ въ исполненіе), а равно, въ случаѣ возможности, входить по нѣкоторымъ дѣламъ въ сношенія съ разными лицами и учреждениями; исполненіе же приговоровъ, требующихъ какихъ-нибудь репрессивныхъ мѣръ, судъ поручалъ союзному совѣту.

Въ отчетномъ 1893—94 году судебная комиссія имѣла 26 засѣданій, такъ что въ среднемъ засѣданія происходили черезъ 10 дней (судебная комиссія засѣдала съ Сентября по Апрель). Два засѣданія не могли собраться за неявкою законнаго числа членовъ ($1/2$). По сравненію съ 1892—93 годомъ, число засѣданій комиссіи увеличилось на 15, а промежутокъ между ними уменьшился на 7 дней. Число представителей землячествъ въ судебной комиссіи колебалось отъ 19—24; нѣкоторыя землячества, принадлежащія къ союзу, ни разу не присылали своихъ представителей въ судебную комиссію, но число ихъ въ точности судебной комиссіи неизвѣстно. Число членовъ, присутствовавшихъ на засѣданіяхъ судебной комиссіи, колебалось отъ 13—27, равняясь въ среднемъ 19.

Слѣдующая таблица показываетъ, сколько каждый представитель посѣтилъ собраній и сколько пропустилъ; сумма этихъ двухъ чиселъ для разныхъ землячествъ не одинакова; это объясняется тѣмъ, что представители нѣкоторыхъ землячествъ начали посѣщенія позже или прекратили ихъ раньше открытiя и окончанiя занятiй судебной комиссiи. Три собранiя пропущены многими членами за время рождественскихъ каникулъ.

	Представители.	Сколько разъ былъ.	Сколько разъ не былъ.	Сумма.	% не по- сѣщ. къ суммѣ.
1	Бѣлорусскъ	24	2	26	7,7%
2	Кавказецъ	24	2	26	7,7%
3	Тулякъ	24	2	26	7,7%
4	Бѣлецъ	22	4	26	15,4%
5	Владимирецъ	22	4	26	15,4%
6	Донецъ	22	4	26	15,4%
7	Ельчанинъ	22	4	26	15,4%
8	Кубанецъ	22	4	26	15,4%
9	Пермякъ	22	4	26	15,4%
10	Нижегородецъ	20	6	26	23,1%
11	Южанинъ	20	6	26	23,1%
12	Полякъ	19	7	26	26,9%
13	Саратовецъ	19	7	26	26,9%
14	Херсонецъ	18	8	26	30,8%
15	Рязанецъ	17	9	26	34,6%
16	Калужанинъ	14	12	26	46,2%
17	Курянинъ	14	12	26	46,2%
18	Холмецъ	13	13	26	50%
19	Грузинъ	10	16	26	61,5%
20	Воронежецъ	18	5	23	21,7%
21	Уралецъ	5	16	21	76,2%
22	Вятичъ	19	1	20	5,0%
23	Москвичъ	14	6	20	30,0%
24	Тамбовецъ	5	14	19	73,7%
25	Малорусскъ	10	3	17	17,6%

	Представители.	Сколько разъ былъ.	Сколько разъ не былъ.	Сумма.	% не по- сѣщ. къ суммѣ.
26	Воложанинъ	5	10	15	66,7%
27	Минець	10	5	15	33,3%
28	Костромичъ	2	11	13	84,6%
29	Коломенецъ	5	7	12	58,3%
30	Техникъ I.	6	4	10	40,0%
31	Техникъ II.	4	6	10	69,0%
32	Восточникъ	3	4	7	57,1%
33	Сибирякъ	4	3	7	42,9%
34	Тверякъ	2	—	2	—,0%

Всего въ отчетномъ году было посѣтителей 484; не посѣщ. 221, сумма всѣхъ посѣщеній—705.

Изъ этой таблицы слѣдуетъ, что только 12 человекъ пропустили менѣе всѣхъ собраній, которыя они должны были посѣтить, и могутъ поэтому считаться болѣе или менѣе аккуратными; 8 представителей пропустили отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ собраній; 6 представителей пропустили отъ $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ собраній, т.-е. прямо относились небрежно къ своимъ обязанностямъ, 6 человекъ не посѣтили отъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ собраній, слѣдовательно, систематически игнорировали ихъ, и наконецъ два (2) члена, пропустили болѣе $\frac{3}{4}$ собр. Такимъ образомъ хотя средній процентъ непосѣщеній въ истекшемъ году и уменьшился сравнительно съ 1892—1893 годомъ (31,3% противъ 55%), еще очень многіе члены судебной комиссіи не находили нужнымъ аккуратно посѣщать ея засѣданія. Судебная комиссіа считаетъ долгомъ поставить на видъ землячествамъ, что такое явленіе крайне вредить успѣшному ходу дѣлъ судебной и слѣдственной комиссіи, а потому просить землячества строже слѣдить за аккуратностью своихъ представителей. О представителѣ, неявившемся два раза подъ рядъ на засѣданія, судебная комиссіа будетъ попрежнему сообщать землячеству съ просьбой избрать болѣе аккуратнаго. Въ отчет-

номъ году было принято судебною комиссіей 41 дѣло, изъ нихъ 12 окончилось обвинительными приговорами, 7 оправданіями, 12 дѣлъ было прекращено. 4 передано землячествамъ и 5 осталось нерѣшенными. Дѣла, которыя были рѣшены судебной комиссіей въ отчетномъ году, естественно распадаются на два отдѣла: дѣла профессоръ и университетскихъ чиновниковъ и дѣла студенческія. Изъ числа первыхъ въ 1892—94 г. судебной комиссіей было разобрано дѣло пр. Янжула (по поводу событій 18 и 19 Февраля), закончившееся 2-мя принципиальными постановленіями судебной комиссіи: 1, публичныя возраженія на мнѣнія, которыя не могутъ быть публично защищаемы. предосудительны и 2, профессоръ не имѣеть нравственнаго права относиться свысока и презрительно къ студентамъ въ аудиторіяхъ. Студенческія дѣла, т.-е. дѣла, въ которыхъ обвиняемыми являлись студенты, могутъ быть раздѣлены на три категоріи: дѣла, ближе всего касающіяся организаци, дѣла, затрогивающія интересы студенчества въ цѣломъ, и проступки противъ общей нравственности.

Къ первой группѣ относятся прежде всего дѣла о шпіонствѣ. Въ отчетномъ году можно считать законченнымъ дѣло бывшего студента Скерста. Приговоръ по этому дѣлу, составленный судебной комиссіей въ 1892—93 году, подалъ поводъ къ недоразумѣніямъ и протестамъ Рязанскаго землячества. Новые достовѣрные факты доказали правильность этого приговора и избавили судебную комиссію отъ пересмотра дѣла. Обвинительный приговоръ Скерста былъ оставленъ въ силѣ: вмѣстѣ съ тѣмъ судебной комиссіей были посланы въ Ярославль документы, доказывающіе сообщничество со Скерстомъ студента Горячина, послѣ чего послѣдній, по приговору товарищескаго суда, долженъ былъ оставить лекціи. Кромѣ этого, сюда же относятся дѣла двухъ студентовъ, просившихъ судебную комиссію о выясненіи ихъ личности и освобожденіи ихъ отъ обвиненій въ сношеніяхъ съ подозрительными лицами. Эти подозрѣнія по отношенію къ № оказались совершенно несостоятельными, а по отношенію къ другому—необоснованными. При этомъ судебная комиссія считаетъ нужнымъ замѣтить, что выясненіе личности вообще для нея въ большинствѣ случаевъ невозможно, и что она можетъ устанавливать только наличность или отсутствіе фактовъ, вызвавшихъ обвиненія или подозрѣнія.

Изъ внутреннихъ дѣлъ студенческихъ организацій въ отчетномъ году судебной комиссіей были разобраны три дѣла: студента №, обви-

нявшагося въ томъ, что безъ разрѣшенія судебной комиссіи дѣйствовалъ отъ ея имени, студента Иванова, и столкновение союзнаго совѣта съ Саратовскимъ землячествомъ. По первому дѣлу судебная комиссія, принявъ во вниманіе объясненія №, ограничилась замѣчаніемъ ему. Ивановъ былъ признанъ виновнымъ въ клеветѣ на Тульское землячество, о чемъ и постановлено опубликовать. Въ инцидентѣ Саратовскаго представителя судебная комиссія нашла въ дѣйствіяхъ союзнаго совѣта небрежное отношеніе къ дѣлу и признала его нравственно отвѣтственнымъ за это, но, въ виду того, что союзный совѣтъ сталъ на формальную почву, ссылаясь на § 7 устава союза, этотъ § былъ по предложенію судебной комиссіи измѣненъ.

Къ дѣламъ, затрагивающимъ интересы цѣлаго студенчества, относятся прежде всего злоупотребленія стипендіями и пособіями. Такихъ дѣлъ въ отчетномъ году было рѣшено 3. Изъ нихъ 2 (*Кудрявцева и Орлицкаго*) окончились обвинительными приговорами, и одно оправданіемъ. Сюда же относится дѣло о кружкѣ студентовъ, выставившемъ задачей доставленіе занятій нуждающимся товарищамъ и вызвавшемъ обвиненія въ устройствѣ оргій подъ видомъ вечеринокъ. Судебная комиссія не нашла возможнымъ высказаться противъ этого общества, такъ какъ безобразія, имѣвшія мѣсто на одной изъ вечеринокъ, оказались единичнымъ фактомъ. Наконецъ въ Тюменскомъ дѣлѣ судебная комиссія должна была разслѣдовать дѣятельность медико-статистической организаціи, вызвавшей массу нареканій со стороны общества; послѣднее справедливо возмущалось дрызгами, сплетнями и взаимными обвиненіями медиковъ-статистиковъ, сильно тормозившими вѣру въ пригодность студенческихъ организацій для общественной дѣятельности. Главнымъ виновникомъ такого позорнаго для студенчества явленія судебная комиссія признала студента Куша, стремившагося изъ честолюбія захватить все дѣло въ свои руки и такимъ образомъ обращавшаго общественное служеніе въ орудіе для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Къ интригамъ Куша присоединились интриги Головачева, который пытался воспользоваться работой участниковъ организаціи въ своихъ личныхъ видахъ, а также и нетактичное и небезупречное поведеніе медиковъ.

Наиболѣе многочисленной группой студенческихъ дѣлъ являются проступки противъ общественной нравственности. Сюда относятся, во-первыхъ, три дѣла о ссорахъ и дрызгахъ. Изъ нихъ въ одномъ обвиняемый былъ оправданъ, такъ какъ оказалось, что обиженный

самъ былъ далеко не безгрѣшенъ въ возбужденіи ссоры. Два другихъ дѣла окончились обвинительными приговорами: 1) студентъ, позволившій себѣ брань и угрозы противъ товарища, получилъ предостереженіе, 2) по дѣлу о столкновеніи студента С. со студентомъ *Петровскимъ* и театральной комиссіи. Петровскій и вся театральная комиссія были признаны виновными въ недобросовѣстномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ и потому смѣнены, а С. по обвиненію въ дракъ оправданъ (см.). Далѣе слѣдуютъ дѣла студента *Ицмирскаго*, оправданнаго по обвиненію въ безпорядочномъ поведеніи въ публичномъ мѣстѣ, студента *Петри Орловскаго*, признаннаго виновнымъ въ вырѣзываніи статьи о Ницше въ Румянцевскомъ музеѣ, и студента № 2, оправданнаго по обвиненію въ участіи въ спекулятивно-мошенническихъ продѣлкахъ въ Нижегородско-Самарскомъ земельномъ банкѣ. Но самыми крупными дѣлами этого рода слѣдуетъ признать дѣло Горайна и Богдановича въ изнасилованіи и издѣвательствѣ надъ любовницей Горайна, и дѣло студента *Куши*, оказавшагося виновнымъ въ возмутительно-небрежномъ отношеніи къ лежавшимъ на немъ обязанностямъ по собранію статистическихъ свѣдѣній въ Ишимскомъ округѣ и грубомъ и нахальномъ обращеніи съ волостными и сельскими властями этого округа. Приговоры по тремъ послѣднимъ дѣламъ извѣстны (о поступкахъ Орловскаго и Куша опубликовано, а Горайнъ и Богдановичъ удалены изъ *Московскаго Университета*).

Изъ двадцати одного (21) дѣла, нерѣшенныхъ судебной комиссіей въ отчетномъ году, было передано въ землячества 3, такъ какъ обвиняемые оказались членами землячествъ (одно дѣло о неправильномъ пользованіи стипендіей, одно—о ложномъ показаніи на судѣ и одно—по обвиненію въ безпорядочномъ поведеніи въ публичномъ мѣстѣ), одно, о неправильномъ пользованіи обѣдомъ въ комитетской столовой—въ союзный совѣтъ, какъ несложное и требовавшее лишь удаленія изъ столовой. Изъ числа 12 прекращенныхъ дѣлъ 3 касаются профессоровъ и университетскихъ чиновниковъ. Дѣло профессора Осипова, неправильно получившаго отъ Физико-Математическаго факультета степень доктора химіи, было прекращено въ виду запозданія приговора.

Дѣло инспекціи о позорящихъ студенчество объявленіяхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ было прекращено, такъ какъ инспекторъ Добровъ и субъ-инспекторъ Курочкинъ отреклись отъ посылки ихъ. ничѣмъ однако не доказавъ этого, а другихъ средствъ выяснитъ истину судебная комиссія не имѣла. Дѣло инспекціи по поводу объявленій,

вывѣшенныхъ въ Университетѣ, также оставлено въ виду его незначительности. Изъ студенческихъ дѣлъ, за невозможностью добыть точныя данныя, были прекращены: одно дѣло по обвиненію въ неправильномъ пользованіи стипендіей, дѣло о двухъ студентахъ (фамиліи не могли быть узнаны), расплатившихся въ буфетѣ физиологическаго института фальшивыми мѣдными монетами, покрытыми ртутью, дѣло о студентѣ Астриинѣ, выдавшемъ въ Казани 15 челоуѣкъ и по слухамъ появившемся въ Москвѣ, но въ Университетѣ не найденномъ, и дѣло студента Ш., уличеннаго въ С.-Петербургѣ въ кражѣ. Одно дѣло о ссорѣ прекращено, такъ какъ оказалось семейной исторіей; дѣло о дракѣ толпы студентовъ съ учителями земледѣльческой школы прекращено за невозможностью выяснить, кто былъ виновникомъ ссоры. Дѣло объ одномъ студентѣ, связавшемъ своего товарища и потащившемъ его въ участокъ, прекращено за примиреніемъ сторонъ, такъ же, какъ и дѣло о столкновеніи студента С. съ инспекторомъ Добровымъ. Наконецъ, дѣло студента Багряцова, обвинявшагося въ томъ, что онъ отъ имени хозяйственной комиссіи оркестра и хора отвезъ почетныя билеты высокопоставленнымъ лицамъ, присутствіе которыхъ въ качествѣ почетныхъ гостей на студенческомъ концертѣ было признано хозяйственной комиссіей нежелательнымъ, прекращено, такъ какъ судебная комиссія нашла, что Багряцовъ былъ достаточно опозоренъ на собраніи оркестра и хора. Наконецъ, дѣло студентовъ Дриневица и Налѣвкина, пославшихъ телеграмму французскимъ студентамъ отъ имени московскихъ студентовъ, прекращено—въ виду того, что союзнымъ совѣтомъ былъ посланъ во французскія газеты протестъ противъ этой телеграммы.

Неоконченными остались: два дѣла союзаго совѣта (воззваніе по поводу Щелапутинской исторіи и исторія съ отвѣтомъ Саратовскому землячеству о качествахъ представителя въ союзный совѣтъ), возбужденныя Кавказскимъ землячествомъ, дѣло о небрежномъ отношеніи университетскихъ чиновниковъ къ студентамъ и о безпорядкахъ университетской канцеляріи (свѣдѣнія объ этомъ, затребованныя отъ землячества для начатія дѣла, не были получены) и дѣло одного студента, обвиняемаго въ доносѣ. Дѣло студента Соловьева, нарушившаго данное имъ обѣщаніе жениться, пересматривается въ виду протеста его, подкрѣпленнаго весьма важными новыми фактами. Свѣдѣнія о дѣлахъ, веденныхъ судебной комиссіей въ 1893—94 году, могутъ быть сведены въ слѣдующей таблицѣ.

Д Ъ Л А.	Постанов.		Приговорено. Итого.	Перед. землѣ. и союз. сов.	Прекращено.	Неокончено.	Всего велось дѣл.
	Обвинит.	Оправд.					
1. Профессор. и универ. чиновн.	1	—	1	—	3	1	5
2. Студентовъ	12	8	20	4	10	4	38
1. Шпіонство и доносъ.	1	2	3	—	1	1	5
2. Внутреннія дѣла организаціи.	3	—	3	—	—	2	5
3. Злоупотребленіе стипенд. и пособіями.	2	1	3	2	1	—	6
4. Дѣла, компрет. студенчество, какъ общую силу	1	1	2	—	2	1	4
5. Преступленія противъ общей нрав- ственности	5	4	9	2	6	1	18
а) Ложныя показанія на судѣ.	—	—	—	1	—	—	1
в) Ссоры и дразги	2	1	3	—	1	—	4
с) Пьянство, буйство и безпорядочное по- веденіе	—	2	2	1	3	—	6
д) Мошенничество и воровство	1	1	2	—	2	—	4
е) Преступленія противъ чести и цѣло- мудрія женщинъ	1	—	1	—	—	1	2
ж) Недобросовѣстное отношеніе къ об- щимъ обязанностямъ	1	—	1	—	—	—	1
Итого	13	8	21	4	13	5	43

Кромѣ того, такъ какъ бывшіе студенты Стуковъ и Минаевъ, изгнанные за кражу въ 1894 г. изъ Московскаго Университета по приговору союзнаго совѣта, распространяли въ Нижнемъ Новгородѣ ложные слухи о союзѣ, судебная комиссія постановила вновь отпечатать и разослать этотъ приговоръ. Подводя итоги своей дѣятельности, судебная комиссія съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ можетъ констатировать, что внутреннія и внѣшнія условія ея дѣятельности нѣсколько улучшаются, и что нравственный авторитетъ товарищескаго суда замѣтно поднимается. Но, безъ сомнѣнія, нужно еще много усилій, и не мало времени пройдетъ до тѣхъ поръ, пока къ голосу суда союза будутъ прислушиваться не только союзъ и студенчество, но и общество—поскольку оно интересуется университетскою жизнью. Въ настоящее же время не только общество въ лучшемъ случаѣ почти безразлично относится къ судебной комиссіи, но и среди студентовъ можно подчасъ встрѣтить мнѣніе,

что инспекторскій судъ лучше товарищескаго, или что судебная коммиссія суется не въ свои дѣла, подымая вопросы о безобразіяхъ студентовъ въ публичныхъ мѣстахъ, о преступленіяхъ противъ цѣломудрія женщинъ и т. п. Даже въ средѣ союза идея товарищескаго суда и нравственной его компетенціи не получила безусловнаго права гражданства, какъ видно изъ того, что нѣкоторые члены союза совершенно игнорировали приговоры судебной коммиссіи по дѣлу Скерста или Тюменскому дѣлу, изъ оскорбительнаго отношенія къ ней нѣкоторыхъ обвиненныхъ земляковъ (г. Кушъ) и даже изъ того необъяснимаго упорства, съ которымъ союзный совѣтъ настойчиво отказывался дать какія-либо разъясненія по дѣлу столкновения съ Саратовскимъ землячествомъ и былъ съ большимъ трудомъ принужденъ къ тому рѣшеніемъ большинства землячествъ. Все-таки, нѣкоторое улучшение въ этомъ отношеніи замѣчается, но можно ли заключить изъ этого о повышеніи нравственнаго уровня цѣлаго государства? Конечно, глазъ оптимиста можетъ подмѣтить нѣкоторыя явленія, дающія право толковать объ этомъ, какъ на примѣръ, оживленіе дѣятельности союза, самое основаніе судебной коммиссіи, быстрое увеличеніе числа членовъ союза, основаніе новыхъ землячествъ и кружковъ, тотъ фактъ, что сравнительно многіе дѣятельные члены союза не разрываютъ всякой связи съ ними по окончаніи курса, что недавно еще было поголовнымъ явленіемъ. На этомъ основаніи можно было бы говорить, что освѣжающая волна тѣхъ девяностыхъ, появленіе которыхъ привѣтствовалъ Шелгуновъ*), все растетъ и растетъ, что настроеніе провинціальной молодежи и ея идеалы начинаютъ измѣняться подъ вліяніемъ какихъ-то новыхъ условій. Но, на ряду съ этимъ, нельзя не отмѣтить, что нравственный уровень студенчества, сравнительно говоря, крайне низокъ. Пьянство и безобразія въ публичныхъ мѣстахъ составляютъ и теперь, какъ показалъ опытъ судебной коммиссіи, весьма частое явленіе среди студентовъ; присвоеніе всего, что плохо лежитъ, также не составляетъ рѣдкости, какъ то показываетъ вѣчная кража галошъ или даже книгъ, разныя мошенническія продѣлки и вообще крайне легкомысленное отношеніе къ общественной собственности (типично въ этомъ отношеніи дѣло Орловскаго). Еще сильнѣе развито въ студенчествѣ стремленіе жить на чужой счетъ, ничего не дѣлая. что чаще всего выражается въ захватѣ стипендій и пособій людьми состоятельными—это явленіе очень рѣзко бросается въ глаза и очень

---

*) Совершенно особнякомъ стоитъ Шеллапутинская исторія, показавшая лишній разъ во всей наготѣ безстыдство и наглость московской полиціи. Въ этомъ дѣлѣ судебной коммиссіи пришлось, по тщательномъ разслѣдованіи его, только констатировать полную невинность потерпѣвшихъ студентовъ.

важно по своимъ послѣдствіямъ для массы студенчества. Борьба съ этимъ зломъ сильно затрудняется тѣмъ, что распределение стипендій и пособій зависитъ почти всецѣло отъ произвола инспекціи, и судебная комиссія не имѣетъ никакой возможности предупреждать злоупотребленія. Подобнымъ образомъ и безнравственная эксплуатация безсилія или привязанности женщины, какъ показали отвратительныя картины, открывшіяся при разслѣдованіи дѣлъ объ изнасилованіи, поступившихъ въ судебную комиссію, среди значительнаго круга студентовъ считается лишь молодечествомъ, приличнымъ мужчинѣ-самцу. Въ заключеніе можно было бы упомянуть о замѣчаемомъ среди студентовъ непомѣрномъ честолюбіи, небрежности, своекорыстіи, недостаткѣ самоуваженія и довѣрія другъ къ другу и др. качествахъ, сказывающихся весьма неблагоприятно на дѣятельности студенческихъ организацій и отношеній студентовъ къ своимъ общественнымъ обязанностямъ (напр. Тюменское дѣло). Имѣя дѣло съ такимъ нравственнымъ уровнемъ студенчества, судебная комиссія поневолѣ должна была понижать предъявляемыя къ студентамъ требованія чуть не до минимума, ограничиваясь, по отношенію къ нечленамъ союза, преслѣдованіемъ шпіонства, открытыхъ безобразій въ публичныхъ мѣстахъ и преступленій противъ самыхъ элементарныхъ правилъ нравственности (воровство, изнасилованіе, обманное пользованіе стипендіями и пособиями и т. п.). Этимъ же низкимъ уровнемъ общественной нравственности объясняется и нечестное отношеніе общества къ студенчеству, ярко высказавшееся, напр., во время Шеллапутинской исторіи. Уваженіе общества не можетъ быть приобрѣтено безъ повышенія уровня нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ къ среднему студенту. Впрочемъ, отъ многихъ слоевъ общества и даже очень близко стоящихъ къ университету, какъ показало дѣло Янжула, трудно добиться такого отношенія, такъ какъ эти слои уже перестали интересоваться подобными предметами.

Такіе люди, весьма часто попадающіеся теперь и принадлежавшіе раньше къ болѣе или менѣе передовымъ слоямъ общества, спаслись съ разбитаго реакціонной бурей корабля русской интеллигенціи, уйдя въ норы своихъ спеціальностей отъ живой жизни. Если они и являются добросовѣстными специалистами, то зато на все остальное махнули рукой и, оставшись безъ прочныхъ убѣжденій и нравственныхъ идеаловъ, попадаютъ въ очень некрасивыя положенія, или прямо погружаются въ житейской тинѣ. Но гораздо вреднѣе для студенчества люди, обращающіе, подобно Осипову, науку въ дойную корову для своихъ желудковъ или въ орудіе своихъ честолюбивыхъ плановъ. Такіе

господа дѣйствуютъ на студенчество крайне развращающимъ образомъ. Единственное спасеніе отъ такого вліянія, если его нельзя устранить, заключается въ усиленіи взаимнаго товарищескаго нравственнаго контроля, проистекающаго изъ сознанія нравственной солидарности и общности интересовъ студенчества и нисколько не могущаго стѣснить личной свободы каждаго, поскольку она не переходитъ границъ нравственности. Пожеланіемъ большаго распространенія идеи нравственной солидарности и общности интересовъ студенчества судебная коммиссія и заканчиваетъ настоящій отчетъ. Представляя результаты своей дѣятельности на свободный судъ и критику землячествъ и всѣхъ интересующихся этимъ дѣломъ лицъ и кружковъ, члены судебной коммиссіи состава 1893—94 года считаютъ долгомъ поблагодарить своихъ земляковъ за то, что избравъ ихъ въ судьи, земляки доставили имъ возможность ближе познакомиться съ положеніемъ студенчества и его нуждами и удовольствіе взаимнаго общенія, основаннаго на реальныхъ и значительныхъ интересахъ, связывающихъ людей въ духовное цѣлое. Этому же избранію члены судебной коммиссіи обязаны и тѣми минутами высокаго нравственнаго удовлетворенія, которыя достаются лишь людямъ, сознающимъ, что они дѣлаютъ живое, общепользное и необходимое дѣло, насколько оно доступно ихъ физическимъ силамъ и умственному и нравственному развитію.

